

Владислав БАХРЕВСКИЙ

г. Москва

Суета сует

— Коронка готова! — приветствовал пациента Василь Василич. — Дело теперь минутное.

Владимир Фёдорович сел в кресло, за окошком — благодать, липами пахнет.

Василь Василич приступил к делу.

— Рот пошире.

Огромные пальцы с крохотной коронкой прижали к зубам верхнюю губу, больно, но ведь не драться же, а хоть что-то сказать возможности нет.

Коронка на место вставить не желала. Василь Василич налёт, надвинулся на Владимира Фёдоровича животом. Поднатужился, запыхтел, закричал. Ещё разок, ещё, впирая, непослушную... Сдался, что-то подстругивал в коронке, а Владимир Фёдорович дышал, дышал.

И опять пальцы полезли в рот, живот заколыхался всею массой. Могучая рука давила, принаравливалась.

«Он же мне челюсть оторвёт!»

Владимир Фёдорович толкнул что было сил друга-протезиста, вскочил с кресла. Василь Василич озабоченно крутил в пальцах коронку.

— Давай ещё разок сделаем слепок!

— Ну уж нет! — Владимир Фёдорович, куда путь был свободен, кинулся к двери.

Выскочил из флигелька протезистов. Дико, да ведь невмоготу.

Брёл домой, озадаченный, раздавленный всей этой нелепостью. И вдруг прошёл мимо дома до «Улыбки». До специалистов платных. Врачи, взимающие деньги за всякий чох, заворковали, обласкали, проделали неприятную процедуру слепков. Вежливо выписали счёт.

Бессовестный, но деньги с собой были. Оплатил. Примерку назначили на другой уже день — капитализм.

Вернулся домой — Наталья Ивановна в тревоге.

— Что так долго?

— Да вот так.

— Протезы удобные?

— Завтра узнаю, — рассказал о постыдном бегстве, о мастерах «Улыбки».

В платном учреждении ты нужный, тебе благодарны, что пришёл именно к ним.

— Дорого, зато без очередей, и главное — надёжно! — порадовался Владимир Фёдорович хорошей работе платных протезистов.

— Тебе из Нары звонили, — сообщила Наталья Ивановна, — зовут оформить пенсию блокадника.

— Вот и премия за наше примерное житье! — сказал витиевато, но порадовался: всё-таки помнят, всё-таки уважение к пожилым людям.

Собрался поехать в Пенсионный фонд утром, но, садясь ужинать, обнаружил, — щека припухла. Зубной боли, однако, не было, обойдётся.

А в три часа ночи уже полоскал рот тёплой водой с содой и солью. Наталья Ивановна искала прополис. Нашла, поставили на десну. В девять утра Владимир Фёдорович уже стоял у дверей «Улыбки», ожидая открытия. Грешить на работу частников он не мог, болело внизу, слева, а коронку ставили на зуб справа.

Врач постучал по зубам крошечным молоточком и направил на снимок, да ещё весьма замысловатый.

Со снимком пришлось идти к хирургу. Уколы заморозки, неощутимый надрез. Кровавые салфеточки, два шва и бутылка со льдом, кровь не торопилась замёрзнуть, а руки холод обжигал нестерпимо.

Наконец отпустили до завтра. Дома сидеть, страдать, хотя боли нет... Поехал-таки в Пенсионный фонд.

Чиновница, милая, усталая женщина, посмотрела паспорт, пенсионное удостоверение.

— Чтобы оформить пенсию блокадника, необходимо предоставить справку с места работы в блокадном Ленинграде.

— Простите, я был школьником! Какая вам справка?

Женщина выглядела виновато.

— Тогда предоставьте справку о прописке ваших родителей.

— Не было прописки! Мы жили в квартире

Анны Кузьминичны, у моей тёти. А наша Стрельня была у немцев.

— Это уже оккупация! — чиновница смотрела озадаченно. — Ладно, не волнуйтесь, мы рассмотрим вопрос.

Вернулся в Селятино совершенно несчастным: в Пенсионном фонде сплошные глупости, и десну разносит.

На другое утро состоялся консилиум. Успокоили.

— Всё у вас прекрасно! Коронка стоит нормально. Большой зуб придётся удалить, но это для вас беспроблемно: растёт новый.

— Мне восемьдесят! — закричал Владимир Фёдорович.

— Время молочным зубкам резаться! — пошутил хирург.

Всё у платных сноровисто. Колдовства минут всего на двадцать.

— Свободны.

Итак, молочные зубы режутся.

В Пенсионный фонд в Нару на другой день поехал. Погоняли по кабинетам, впрочем, вежливо. Наконец самое высокое начальство вынесло приговор.

— То, что заслужили, получите, но решение будет принято выездной комиссией, в сентябре — октябре.

Вышел из учреждения, сошёл с асфальта и плюнул.

Дверь в квартиру открывал всё ещё кипящий: приготовил фразу для Натальи Ивановны.

— Я к ним — ни ногой!

А его встречают Наташа и Верочка. У Наташи красота строгая, в общем-то, величавая — в маму. А Верочка уж такая... Дюймовочка. Всё в этой девочке просто, но простота очень даже небывалая. Волосы заплетены в косу, коса золотая, личико светлое, глазки — карие, умные.

На руки бы взять — барышня. Наташа поцеловала его, провела в гостиную: на столе, знамо дело, торт. «Заморские чудеса». Сверху торта — плоды, Владимир Фёдорович за двадцать лет капитализма таких ещё не видывал.

— Диво дивное!

Наташа порадовалась отцовской похвале.

— А ведь и моё диво доведено до совершенства! — принёс с террасы драгоценную линзу. — Верочка, это твоё.

Сияя, положил внучке в руки тяжеленный кристалл.

Верочка ойкнула, скуксилась и грохнула прозрачную каменюку на стол.

Теперь ойкнул дедушка.

— Верочка! Это линза для твоего телескопа.

— Твой телескоп как мешок картошки! — объявила внучка.

— Почему мешок... картошки? — изумился Владимир Фёдорович.

— Так папа говорит... Я твой телескоп не подниму.

— Телескоп поднимать не требуется. Ты будешь смотреть в окуляр и сразу почувствуешь себя капитаном космического корабля. Перед тобой откроется Вселенная.

— Я буду медсестрой — уколы делать! — отрезала Верочка.

И ушла к бабушке на кухню.

— Не сердись! — улыбнулась отцу Наташа. — Я первая попрошусь посмотреть в твой телескоп. Ты так давно обещаешь показать Верочке звёзды, что она привыкла к твоим обещаниям.

— Ждать осталось недолго. На днях еду заказывать телескоп.

Пошёл на кухню, хотел забрать Верочку к себе, показать ей звёздную карту, прочитать любимую сказку о Василисе Прекрасной, но сказка эта была его любимая.

Верочка сидела за кухонным столом, перед книжницей-компьютером.

Ничего другого не желала. Бабушка лепила вареники, ей тоже хотелось Верочку увлечь. Не получилось.

Торт и впрямь дышал ароматами Африки, Амазонки и Аляски, Индии, Китая.

Но бабушкины вареники были съедены подчистую, и тут гости быстренько собрались и укатили: у них билеты в театр.

— Ждали мы Верочку, ждали и вот дождались, — сухо, зло сказал Владимир Фёдорович.

— Успокойся! — подкатилась к мужу Наталья Ивановна. — Верочка — упрямая пятиклашка, а через год она уже будет подросточек, через другой — девушка. Семиклассницы выше матерей, им наряды подавай.

— Наряды! — усмехнулся Владимир Фёдорович. — Портки дырявые — вот и весь шик.

— Дырявые, а стоят, будто из парчи.

Сумерничали молчаливо.

— Такова жизнь, — подытожил день Владимир Фёдорович. — Люди таковы. Даже самые родные.

Блокадная баня

Наталья Ивановна пошла поглядеть почту. Вернулась, потрясая стопой листовок.

— Этих бы не в депутаты, а туда, где мы по своей воле и государства ради по проволоке сквозь буран ходили.

Выборы предстояли местные, но весьма горячие: администрация задумала спилить лес и вместо тропы здоровья возвести музей, вымостить площадь для парковки.

«Единая Россия» тянула в депутаты начальников: главный врач, директор школы, владелица ресторана. ЛДПР выставяла, разумеется, юриста. Обещала биться за лес и за каждое дерево в посёлке. Коммунисты плавали на своих коммунистических облаках. Среди самовыдвиженцев поэт и правдолюб Чашин.

— Бумага роскошная! Лучше бы книжку для детей издали! — гневалась Наталья Ивановна. — Шиш вам — не пойду голосовать!

— До воскресенья время есть — одумаешься! — посмеивался Владимир Фёдорович, хотя голосовать не знал за кого. — Спасать лес берётся ЛДПР. Партия-то шутовская. Для отбора голосов. Лобов — то ли предатель, то ли кретин.

— За Татьяну надо голосовать.

— Татьяну знают. За правду сидела. И всё равно выборы — комедия, состряпанная тят-ляп и не смешная.

Наталья Ивановна не поленилась, натянула резиновые перчатки, стряхнула агитационный мусор в пакет и отнесла в контейнер с отходами.

А уже на следующий день по Селятину прошёл слух: завтра прилетит исполняющий обязанности губернатора. Он к тому же кандидат в губернаторы. Выборы высшей областной власти назначены на осень. Кандидат, как полагается кандидатам, взял сторону народа: лес в обиду не даёт. Голоса нужны. Вот почему только с неба надо являться будущим избирателям?..

В Селятине нелюдно в рабочие дни. Население утром бежит на электрички, идущие из Брянска,

вечером с электричек, прибывших из Москвы. Москва-кормилица крадёт жизнь у народа.

Публики не густо, но люди движутся. Место встречи с и. о. губернатора — за госпиталем.

Между лесом и домами широкая полоса, вертолёт здесь сядет.

Борцы за лес держались кучно. Владимир Фёдорович искал глазами своих. Всё понял. Тесный «островок» гастарбайтеров таджиков и украинцев — гастарбайтеры невольники хозяина Лжегидромонтажа. Другой «островок» — бюджетники, третий — старички и бабушки — великое прошлое Селятина. Дёшево души продали: музей им обещан. Слава материализуется фотографиями на стендах. Пара стендов уже есть в старом здании: начальники, крутые орденосцы.

Бюджетники будто цыплята без наседки. Им нельзя быть с защитниками леса — Птенчиков не простит.

Владимир Фёдорович потянул Дашку в толпу борцов за лес. Здесь лобастый энергичный человек похаживал от одной группы к другой, говорил громко, чтоб слышали.

— Наше дело правое. В суде с документами разобрались. Собственность Гидромонтажа на лесные угодья — липовая.

Ждали. В 12 дня — и. о. губернатора не прилетел, в 12:30 — в небе чисто. Объявили: будет непременно, задержала важная встреча.

Владимир Фёдорович рассердился:

— Пошли, Дашка. Нам с тобой лицеизреть начальство без надобности.

Пожилые люди тоже растекались по посёлку. У начальства всё уже решено. Будет по-ихнему.

До Бога молитвы не доходят — грешны. У президента больно дел много. Докричаться до президента — лотерея. Одни остались русские люди — противу Антихриста.

Шёл мимо церкви, на высокие кресты смотрел. Земные, но навеки в небесах. А на земле вдруг вопли, визгливая ругань. Мат-перемат.

Старушечка в белом платке, и в руках что-то белое, платочек, должно быть, а перед нею — ростом её не выше — молодой вихлястый сквернослов.

— Добром не отдашь — придушу! Нашла, куда денежки носить. — Хлестанул по старушечке ладонью, да так — на колени упала.

— Взять! — приказал Дашке Владимир Фёдорович.

Кого взять, не распорядился, но Дашка понимала хозяина, кинулась на того, кто матюкается. До горла не достала, а рубаху — надвое. Застыл бандюга как вкопанный. Шевельнись — загрызёт. Тут Владимир Фёдорович подоспел. Оттащил Дашку.

А старушечка руки к защитнику непрошеному тянет.

— Не трогай сыночка! Он страдалец. Из тюрьмы пришёл.

Глянул Владимир Фёдорович на «страдальца», а у того штаны мокрые. Сказал коротко:

— Прощения у матери проси!

Завихлялся, на землю кинулся, кулаками колотит перед головой, орёт навзрыд.

— Мама, Богом молю, помолись о душе моей! Помолись о проклятом!

— В церковь шли. Идите! — Владимир Фёдорович помог подняться старушке.

Показала на тряпицу, зажатую в кулаке.

— Всего-то три десяточки — на три свечи. За него поставить, за покойника отца, за всех нас, — не шла, однако смотрела, как сын слезами давится.

— Идите, идите! — сказал старушке Владимир Фёдорович. — Ничего с ним не случится. Я на такие концерты — было время — наглядился.

Подождал, пока старушка дорогу перейдёт, скроется за изгородью церковных владений.

На урку даже не посмотрел, увёл себя и Дашку из своего прошлого. Блатные истерики в лагерях не редкость. Потому и презирал любимчика умненьких дамочек Шукшина. За «Калину красную».

Мать в окошке дорогу стережёт: сына дожидается. А сын, давно уже воротившийся, мимо избы — и по земле катается: «Это же мать моя!» Страсти блатные, а затея киношная.

Леонид Быков от награды самой высокой отказался, когда Шукшину ничего не дали. Власть пошла навстречу, поделила Гран-при. Но разве сравнить быковских мальчиков-лётчиков с поёмой о воре великого Шукшина. А как этот правдолюбец выпендривался, наслаждаясь славой. Перед оператором — в кирзовых сапогах почему-то. Лицо мужицкое, слова мужицкие.

Вскрутилось всё это во Владимире Фёдоровиче.

виче. В советские времена Шукшин стал знаменем интеллигенции. «В бой идут одни «старики» — героизм, но уж очень простецкий. Полетел — сбил немца, опять полетел и не вернулся.

У Шукшина картина для того времени почти что диссидентская: в героях — воры. Для народа такое кино — своё. В каждой рабочей казарме треть пацанов и девок отдавали тюрьмы.

И всё-таки у Быкова всякая сцена как пуля в сердце. Сегодня его фильм — горчайшая ностальгия по утраченной стране. А Шукшин с его правдой — подлая нынешняя обывденность.

Дашка тянула повод настойчиво, а у Владимира Фёдоровича сердце постанывало. И нитроглицерин забыл в карман положить. Уж очень хорошо себя чувствовал после похода в Кречетов.

Хотел осадить Дашку, постоять, посидеть где-нибудь. А перед глазами, застилая все нынешнее, вдруг встала баня, блокадная. В блокадную баню в первый раз он попал зимой 42-го. По горячей воде затосковал. Блокадная баня имела свою особенность — не была раздельной. Топливо-то — драгоценность! Ни единого матерщинного слова не слышал в той святой бане мальчик Володька о женщинах. Плоть она, конечно, плоть. Видел, как у парня поднялся, но сосед по лавке, немолодой, плеснул из тазика — унялось. И ни протеста, ни грубости...

— Господи! — помолился про себя Владимир Фёдорович. — Чего ради этакое...

Привёл Дашку в квартиру, а сам, прихватя полсотни, пошёл в церковь.

Служба закончилась. В храме всего одна женщина, та, что свечи продаёт. Свечки — ого! Сто рублей, пятьдесят. Десятка — самая дешёвая. Взял две. Одну поставил мощам преподобного Варнавы Гефсиманского. Приложился к мощам. Другую свечу возжёт перед образом Богородицы. Вернулся к киоску. Взял ещё три свечи. Поставил за всех, отошедших к Богу. Все три. Помолился.

— Господи, помилуй Светку, Сашку, Дину... — поправился: — Прости меня, Господи. Помилуй друзей моих блокадных: Светлану, Александра, Дину... — запнулся. Наверное, такого имени в святцах нет.

Дина-то навряд ли была крещена. Отца у неё забрали до войны, когда Тухачевского расстреляли. Открылось. Вот почему мать Дины не работала врачом, по специальности! Боя-

лась, объявят врагом народа, вредителем, отравителем. Шить костюмы для цариц было безопасней. Детей своих боялась осиротить. И никого не спасла... Вернее, все они теперь ангелы, если даже и некрещёные. Ангелы были до Иисусова Креста. В них Дух Святой.

Вышел из храма, поспешил к дому и остановился. Ведь в бане, в блокадной, он мылся раньше, чем вёз Дину на санках, в коробе. Девочку он увидел в Дине, а в бане столько их было, девочек! И не осталось в голове. А Дина — навеки.

Блинчики

Наталья Ивановна с очередной сходки защитников леса пришла довольная, в себе уверенная. И. о. губернатора, лично пообещав избирателям защитить лес, слово держит.

— Был наш юрист, — рассказывала Наталья Ивановна, — он ведь в президентской палате. У Гидромонтажа вся документация о собственности на лес, как и говорили, подложная!

Владимир Фёдорович рукой махнул:

— Суды-то купленные!

— Для наших судов и прокуроров закон не закон, а власть. С губернатором война будет короткой.

— А что Птенчиков?

— Птенчиков и хозяин Гидромонтажа придумали памятник ставить.

— Кому?! — изумился Владимир Фёдорович.

— Чернобыльцам.

Взял Дашку за голову, в глаза собаке посмотрел.

— Понимаешь? И на таком вот несчастье зарабатывают.

— Какой же тут заработок? — не согласилась Наталья Ивановна.

— Памятники — дело дорогое. Отщипнуть есть что. Помнишь, как в «Мечте» паркет каждый год меняли? Ремонт был узаконенным и очень даже вальсяжным воровством. А уж памятники... Соборы...

Наталья Ивановна сказала не без строгости:

— Не надо церковь трогать...

— Я церковь не трогаю. А вот моему однокласснику Боре — он же доктор наук, экономист — предлагали посчитать, сколько кирпича ушло на храм Христа Спасителя. Он за работу взялся, и вдруг звонок: «Посчитаешь — убьём».

Наталья Ивановна тоже погладила Дашку.

— Не будем об этом. Мы, слава богу, жили совестливо.

Владимир Фёдорович засмеялся.

— Ты посмотри в телевизор. Политик ли, актёр, генерал — все миллионеры. И все воры.

— Так уж и все!

— Все. В нынешней России совесть — изгнанница. Вот в чём горе и народа, и государства! А того горше — на русской земле народу русского не осталось. Некому быть совестливыми, Натка! Некому! Истребили деревню — истребили народ, а совесть — это народное достояние.

— Пошли, блинчиков напеку, — сказала Наталья Ивановна. — Помнишь, как у моей мамы было принято? Она печёт, а отец ест, потом Алексей, старший брат.

— Потом Василиса, Анфиса, Серёжа, Вася! — смеялся Владимир Фёдорович.

— Семья у нас была хорошая, я садилась за стол перед Тимошей — седьмая.

У Натальи Ивановны всё делается быстро. Мука, яйцо, соль, сахар, молоко, горсть гречневой мучицы. И вот уже в доме вкусно. Шесть блинчиков Владимир Фёдорович съел быстро, передохнул и ещё съел троечку.

— Теперь ты садись. Я печь буду.

Дождаясь первого блина, Наталья Ивановна вдруг вспомнила.

— Ко мне на сходке подходила Татьяна. Спросила о тебе: не согласишься ли быть наблюдателям на выборах. Она собирается с Птенчиковым сразиться.

— С Птенчиковым? Или со всей партией? Сотенку голосов накинута, если понадобится. И тысячу накинута... Меня Верочка озадачила. Поеду к Борису. У него дочь за астрономом. Телескоп мне обещан лет уж как десять тому.

Наталья Ивановна потянула супруга за руку, рядом усадила.

— Не люблю, когда бьёшься сердцем о стену. Всё, что свершилось, свершилось. Что было — было. Какие хорошие денёчки дал нам Господь у твоего Осколкова. Можно и сегодня жить трудясь, любя, с уважением к народу и народа к самому себе.

— Во глубине России цинизма нет. А вот нынешняя Москва — измывательство над русским человеком.

Выгуливать Дашку пошли вместе. Селятино своё едино сердцем обнимали. Двухэтажные поселки атомной промышленности зачастую не имели статуса города. Власть в таких селениях была деревенская — сельсоветы.

— Старички наши, — Наталья Ивановна глазами показала на скамейки, где сидели пожилые люди, а возле них занимались своими делами внучата.

— Люблю ребятишек, — поразовался Владимир Фёдорович. — В песочке копаются, а ушки у всех на макушке, слушают бабушек-дедушек. В эти ушки перетекает-таки наше великое время... Здесь оно сотворится — воспитание патриотов и делателей.

— Володя! Даже те, кто кайлом мерзлоту долбил, кто тарелки собирал в столовых — я о наших говорю — советское дворянство.

Наталья Ивановна любила свою продуманную за многие годы мысль. В спецпосёлках в магазинах всегда было мясо, масло, белый хлеб. Разумеется, колбаса. К праздникам привозили «Мишек на севере» и, случалось, даже «Рижский бальзам».

В черте городков оставляли лес, устраивали освещение на «тропах здоровья», больницы — с новейшим оборудованием и, что важно для того времени, — местные книжные магазины не знали дефицита. Можно было купить новинки исторической и детской литературы, книги серии «ЖЗЛ». Подписка на журналы и газеты в этих островках благополучия ограничений не имела.

— Привилегии наши всего лишь норма жизни. Натка, но ты права тысячу раз! Не в судаках наша избранность, не в мандаринах к Новому году. Мы делали великую работу для государства, были правдой, были силой народа. Сама знаешь, никакие это не слова. А Селятино даже для административного гонора и безобразий было недоступно.

Остановились у пруда, оправленного камнем.

— Стрекоз нет, ласточек нет! У нас и это было. Мы прожили счастливую жизнь. — Наталья Ивановна смотрела мужу в лицо, ожидая.

— Натка, мы и нынче живые! — взял за руку, прижал к груди, Наталья Ивановна улыбнулась, засмеялась, а Дашка хлестала себя хвостом, расчувствовалась.

Генерал

Борис телефонному звонку одноклассника обрадовался, пригласил встретиться в Москве, а потом на его новой машине съездить на дачу, это за Гжелью. Встретились на Киевской кольцевой, в тупичке, под Лениным.

У Бориса лицо без морщин, волосы жиденькие, как и в юности, но ни единой сединки. Обнялись.

— Школьниками вождя мы не очень-то любили. Увы! Московский наш капитализм научил уму-разуму, — Владимир Фёдорович рассматривал мозаику. Портрет размера скромного, на губах Ильича — улыбка, в глазах — вселенская грусть.

Киевская станция нарядная. Мозаичные панно излучают счастье, красота украинская, сахарная. Не фальшивая, а всё же показная. Такая красота сродни американской улыбке.

Борис всегда слова произносил с натугой, будто слов знал мало.

— Я за него, — глазами на портрет, — но не за коммунистов.

— Коммунисты — это мы. А вот номенклатура ЦК КПСС! Сдали американцам страну ради Нобелевской премии меченого. Ради того, чтоб детишек своих сплавить в ихние Кембриджи.

— А ты бы его арестовал? — спросил Борис. — Ну, этого...

— Зюганова?

— И Зюганова, но этого-то... Горби!

— С пятнышком... Я бы всё Политбюро, а Громыко так первого — за ноги и вниз головой, как Муссолини...

— Наш, поехали, — Борис потянул Владимира Фёдоровича в вагон. — Покажу новую квартиру. Люся постаралась.

Вышли из метро, полсотни шагов, в проулок — и шлагбаум. Охрана.

— У нас чемпионка живёт. Помнишь, с шестом прыгала?

— Какая-то... Бабаева.

— Эссен-ба-баева! — головой Боря покрутил.

— Ты меня запутал! Она же мировая известность — Исинбаева.

Лифт сверхсовременный, Владимир Фёдорович аж поёжился:

— Будто попал на тарелку к инопланетянам.

Борис добрых пять минут щёлкал в двери ключами. Наконец впустили в жилище: всё строго, в полутонах, но ослепляет.

— Ты олигарх?

— Это однокомнатная квартира, переделанная Люсей в двухкомнатную. Всё — Люся! Своими руками, — Борис был доволен. — Я приготовлю ужин, а ты с компьютером в шахматы сыграй. Играл?

— У меня нет компьютера.

— Обыграть машину невозможно, — Борис включил ноутбук, показал, на какие кнопки нажимать, как управляться с «мышкой». Не удержался и, покидая друга, дал поглядеть на золотые монеты, их было пять штук, впрочем, тотчас признался. — Теперь у меня таких денег нет. Нужен был — платили. С квартирой помогли...

— А с дачей?

— Дачу я строил на сбережения сам, под руководством Люси. Ты же знаешь, она строитель... А эта, — повёл руками, — моя квартира, как у них прихожая.

— У кого? — Эпоха господ-чиновников. Ведут себя как завоеватели.

— Точно! Как завоеватели. Знаешь, какая зарплата у начальника железной дороги? Миллион двести тысяч. Машинист тяжёлых составов в советское время получал шестьсот рублей, а начальник дороги — пятьсот. Машинисту платили за работу, а теперь ему утирают нос сорока тысячами. Чиновники устроили для себя рай при жизни, на грешной земле. Не в то время мы родились!

— В то! — грозно сказал Владимир Фёдорович.

— В самое то! Вся чиновничья шпана — испытание нашего терпения. Не нашего — народного.

— Мы останемся без ужина! — Борис поднял руки. — Я иду на кухню.

Владимир Фёдорович сел за компьютер. Нажал на клавишу: пешка с «е2» передвинулась на «е4». В десять минут партия была закончена: проиграл компьютер. Начал вторую, но тронул коня, а конь стоял очень даже хорошо. Компьютер тотчас сделал ход конём и, показалось, обрадовался. Выигрывал партию с наслаждением. Владимир Фёдорович быстро закончил с этими несправедливыми радостями: выключил машину.

И тут появился Боря.

Скромно улыбающийся, в генеральском мундире.

— Мне как завкафедрой полагалось.

Золотые нашивки. Золотой значок.

— Тебе идёт, — сказал Владимир Фёдорович.

— Знай наших!

— У меня всё готово.

Фантастический коньяк, фантастическая сёмга и всякое невиданное Владимиром Фёдоровичем нечто. Боря демонстрировал, чего достиг, но парень он был честный.

— Коньяки — подношения. Былые. У нас защищались серьёзные персоны, а Жириновского мы не пропустили в учёные-экономисты. Правда, он тут же защитил диссертацию доктора философии. Кажется...

Ел Боря, однако ж, на фаянсе, вилки из мельхиора. У Владимира Фёдоровича серебряная ложка с детства. Расставались, конечно. И надолго, но после отсидок ложка всегда с ним. И вилка у него серебряная, и чайные ложечки.

«Брякнуть? У меня-де вилка золотая!.. Боря, пожалуй, и тарелки заведёт из чистого золота. Не будем разорять человека».

От сыров, очень французских, Владимир Фёдорович отказался и колбаску восьмисотрублёвую тоже есть не стал.

— Холестерина много. Ты на меня не смотри. Стол у тебя как у советского министра. И Люся умница.

Стены квартиры — нечто серое с голубым. В нише — венецианское стекло. На полу — восточный ковёр, но машиной соткан.

У Владимира Фёдоровича ковёр на стене. Туркменский. Миллион узлов на квадратном метре. Подарок.

— Борис, ты совершенно не стареешь. Я — бей, а ты всё тот же школьник из одиннадцатой. Правда, в мундире генерала.

— Железнодорожного.

— Всё равно генерал.

Борис принёс из другой комнаты фотографию.

На диване — Женя Бардин, физик, в сорок лет не стало. Витька Андриенко — хохол, где-то в Апатитах деньги огребал, Боря и он.

— А ты куда потом пропал? — спросил вдруг генерал-профессор. — Мы с тобой в театре дого-

ворились встретиться, в Большом. Не встретились. Твоё место пустовало. И вообще не встречались потом лет двадцать.

Владимир Фёдорович улыбнулся.

— В театре я был, только не в субботу, а в воскресенье. Перепутал. Главное — контролёр меня пропустил. Пришёл в ложу, занял кресло, а тут — очаровательная девушка, и у неё билет на моё законное. Но что меня сразило: я пришёл на «Щелкунчика», а она — на «Севильского цирюльника». Я — с гонором к билетёру. Разбираться. И вдруг всё понял. Рванул на галёрку, там и слушал. Опера-то уж очень хорошая.

— А почему всё-таки исчез?

Исчез Владимир Фёдорович и впрямь надолго... Домой поехал, бабушку порадовать — перешёл отличником на третий курс. Молчал, смотрел на драгоценный коньяк в рюмке.

— Боря! Я человека загрыз.

Борис перестал жевать, подумал, дожевал, проглотил. Показал на сосуд с ликёром.

— Филиппинский. Операцию ихнюю делал. Без ножа, рукой в тебя лезут.

Ликёр разлил и тоже примолк. Смотрел, соображая.

«Не понял, что я ему сказал», — решил Владимир Фёдорович. Наконец-то произнесено вслух для ушей телесных и бестелесных. Произнесено, а это уже освобождение от потаённого. «А Натка? Услышала и поверила бы? Она вопросов не задаёт». Впрочем, Боря тоже ничего не спросил... Человека загрызть можно по-разному.

— Ну, а филиппинцы-то — жульничество?

— Показывал, что из меня вытащил. Шматок мяса в крови. Но разреза нет. Провёл руками — и всё гладко.

— А чувствуешь себя как?

— Лучше.

— Всерьёз?

— Вообще-то, всерьёз.

Теперь замолчал Владимир Фёдорович. Он это сказал. И — ничего. Впрочем, чувствует себя тоже лучше.

— Боря, знаешь что? Давай грамм по двести — и спать... Мы с утра едем?

— Как встанем! — смотрел очень внимательно: всё-таки обеспокоен, но про своё спросил. — Помнишь олимпиаду?

— Она же математическая. Меня до такой

олимпиады на пушечный выстрел не допустили бы.

— И меня не хотели допустить. У нас ведь блистали Костин, Соболев. Всё-таки взяли, а я занял первое место. Бардин был вторым из «В», Фомин из «А» — третий.

Долго же Боря обиды помнит.

— Среди учителей сволочи nepозволительны, как и среди партийных, но случались.

Владимир Фёдорович налил береженный коньяк в хрустальные стаканы.

— За твой успех, Боря! Поддержал честь нашей мужской 11-й школы.

— Они все из Ленинской, из шестнадцатой, дети начальников.

— А мы, Боря, народ!

Хлопнул коньяк в один дых. Генерал улыбался загадочно.

— Давай я тебе этакое покажу! Такого ты не видел.

Прошли к компьютеру. Боря пощёлкал кнопками. Явилась девица, совсем того, развернулась, наклонилась, всей сокровенностью своей в глаза. Подошёл мужик, вставил. Щелчок, другой. Негритянка трогала себя, трогала другую негритянку.

— Боря, — признался Владимир Фёдорович, — я перед сном молюсь.

Произведения Москвы

В семь утра они уже были на трассе.

— Пробка не успела заткнуть горлышка! — радовался Борис. — Выскочили, как пузырьёк из бутылки шампанского.

Большая Москва — бессмысленное нагромождение многоэтажного жилья. И — поле, домики, церковь.

С федеральной трассы перебрались на ухоженную, но без обязательных для международного уровня металлических ограждений, без рифлёных заборов, гасящих звуки... И тотчас — огромный холм. Даже пригнувшись, нельзя было углядеть вершину рукотворного колосса.

— Что здесь такое? — не понимал Владимир Фёдорович.

— Мусор.

Громада поросла травой, но выглядела чудо-

вищем перед домиками, ещё не раздавленными отходами столицы. Цветники, сады.

— А что тут с душой происходит! — охнул Владимир Фёдорович.

Ехали, ехали, а холму конца не было.

— Это же гора отравы!

— А куда людям деваться? — Борис крутанул рулём туда-сюда: объехал выбоину. — Здесь совхоз был. Знаменитый. А дома эти кто же теперь купит? — и снова крутанул рулём. — Вот и дорогу не ремонтируют.

— Обречены люди, но виноватых нет! Цивилизация. — Владимир Фёдорович был в ярости. — Вот что производит, вот что даёт родной земле Москва: Гималаи мусора!

И тут машина впорхнула в облако света, Владимир Фёдорович глаза рукой заслонил.

— Гора кончилась. Из двадцать первого века снова въехали в Россию — к себе.

Дорога свободная. Вдоль дороги то особняки, то лес с тёмными пятнами: умершие деревни.

— Когда я дачу строил, — сказал Борис, — напротив нас четыре дома стояло. Один перевезли куда-то, другой сжёг сын-алкаш, мать без жилья оставил. В третьем домике тоже спились: муж, жена, вдова сына. А четвёртый дом даже не заколочен, молодые люди приехали, забрали со стен фотографии, а к остальному добру даже не притронулись. К двери палочку поставили — и до свиданья!

Гжель. Когда-то у здешних крестьян, а большинство — старообрядцы, — надежды на богатую жизнь были совсем даже не призрачные. Пекли фарфор, фаянс, полуфаянс. Темно-синее по белому. Муравлёное.

— У нас тут озеро есть, — сказал Борис, — сказочная красота!

И уже через полторы минуты съехал с дороги к соснам.

Озеро в песчаной впадине, как в золотой короне. Берега, поросшие мхами, малахитовые. Лес изумительно стройный... и безобразный. Меж сосен просторно, и весь этот моховитый бор в бумажном неистовстве: пакеты, салфетки, газеты, бумажные скатерти. Чудовищная пирушка и заодно туалет.

— Поехали, Боря, невмоготу!

— За собой не уберут, а другим куда деваться. На этом же месте пьют, закусывают... Тут стек-

лотары на целый состав. Хорошо хоть бутылок не бьют, — Борис показал на другую сторону дороги. — А в этот лесок уже не заходят. Там бутылки кололи. Сесть некуда.

Ехали молча. Рынок придорожный.

— Люся велела мяса купить.

Борис взял баранины и свинины.

— И я для Люси! — решил Владимир Фёдорович и купил индюшку.

Борис возражал, но гость заупрямился.

— Мой вклад в наш праздник. А Юлин муж будет?

— Приедет, они с Антошкой днём ходят на стрекоз смотреть, а ночью на звёзды.

— Замечательно! — обрадовался Владимир Фёдорович. — Я для Олега — он ведь Олег? — кристалл везу.

— Олег, если сказал, сделает. Юля у нас та ещё... Развелась, а он звезду назвал «Юля». Сам нашёл в небе.

Маслята

У Люси головка в светлых кудряшках. Не углядишь, седина или как было в тот день, когда Борис привёз супругу с Балхаша.

Улыбалась Люся гостю хорошо, и Владимиру Фёдоровичу было хорошо. У Люси — цветы. Обступили, ответной радости ожидая, но Борис повёл смотреть дубки. Когда-то два ростка — у каждого по два листика — они с Наткой в траве нашли, у речушки. В то лето Владимир Фёдорович привозил показать Боре свою жену — с Новой Земли тогда прибыли.

Дубки — уже деревца. Деревья-отроки. За огородом луг некошенный. Косить некому. И для кого? Ни единой коровы в селе. Сосны по краю луга — чистое золото.

Антоша с отцом уехали в Куровское велосипед покупать.

— Люся, а что, если по сосенкам пробежусь? — испросил разрешения Владимир Фёдорович.

— Возьми лукошко. Маслята пошли.

Борис в гараже машину ублажает. Владимир Фёдорович корзину в руки — и в травяное царство, кузнечиков распугивать. Маслята загродили ему дорогу в сосны. Уважил милые грибочки, лукошко заполнил на две трети. Жадни-

чать не стал. Вступил в сосны. Лукошко — на пенёк. В соснах как дома. А ведь редко бывал в сосновом лесу. Пошёл меж деревьями. Среди сосен просторно, травы здесь растут отборные. Почему-то подумалось: сосны — это прожитые дни. Остановился, дотронулся рукой до шёлковой рубахи молоденького дерева. Рядом — огромное с вершиной, как взрыв среди облаков. Такое дерево, когда срок мотал, было бы родным. Обнял.

— А ведь корзинку потеряю!

Скорее обратно и, конечно, промахнулся. Вышел у каких-то стогов, поставленных скорее всего при советской власти. Чёрные, с таким пеплом на вершине. Не огня — времени. Чтоб не промахнуться ещё раз, двинул краем леса. Вышел на луг. Борина усадьба в стороне. Пошёл по лугу, отыскивая свой след. Нашёл. И лукошко нашёл. До того устал — хоть ложись. Пенёк увидел. У пенька корни, как натруженные руки, один из корней похож на раскрытую ладонь — голову положить удобно.

— На минутку!

Лёг. И провалился в сон.

Таких ясных снов давно ему не снилось. Они везли с ребятами миномёт, впятером. Тележка заводская на колёсах с подшипниками. Уставали не от тяжести, идти уж очень далеко. Тётя Зина нашла своей команде дело — собирали цветные металлы. За работу их два раза в неделю кормили в заводской столовой. Завод разбомбили, но один цех уцелел. Здесь возвращались на фронт покалеченные пушки и пулемёты. Так уж случилось: ни машин, ни народу лишнего. Ребятам доверили миномёт в часть доставить.

Перед дорогой всех пятерых накормили: каждому — по тарелке лапши с тушёнкой. Мяса не было, а звёзды — сплошняком, и жмыху дали по брикету.

Видел себя Владимир Фёдорович в кабинете с портретом Сталина, со знаменем бархатным. Директор попросил повторить маршрут доставки. Володьку потому и поставили старшим: миномёт отвезти надо было чуть ли не на дачу Анны Кузьминичны, где он со Светкой и Сашей кочерыжки собирал.

Директор дал ему пять значков ГТО, чтоб каждому, пять порций хлеба по 250 граммов и

красивый, но очень маленький пистолет, с ладонь, — вручить командиру. На рукоятке надпись: «От рабочих Ленинграда».

В той стороне, куда они везли миномёт, гремело очень здорово. Потому и здорово: наши били. Это они знали, когда бьют наши и когда по нашим. Торопились доставить миномёт прямо в бой, но дорога дальняя. Пришлось отдыхать, а бой умолк. Добрались в назначенное время под вечер. У них был документ: они привезли подарок завода, сверхплановый.

Кругом — бойцы, а у ребят сил не осталось, на тележке сидели. Красноармейцы ребятам радовались больше, чем миномёту. Повар раздал всем пятерым по солдатскому котелку с концентратом.

Володька уже с донышка кашу выскребывал, когда вспомнил о подарке директора. Попросил красноармейцев отвести к командиру, достал с груди пистолетик.

— Это — герою! — решил старшина. — Сегодня он с разведчиками семнадцать фрицев взял в плен.

Старшина повёл Володьку к разведчикам и на пленных поглядеть. Пленные немцы — как орден.

Запах чужих солдат. Мышиного цвета мундиры. Первым стоял офицер, задрал подбородок, — презирал всех и всё.

— Надо подождать, — сказал старшина. — Командира поцарапало. Он у нас герой, каких мало. Поклялся: каждый день будет убивать пять фрицев. Целый месяц держит слово.

— Пять фрицев каждый день — насмерть!

... Владимир Фёдорович видел восторг того подростка, и этот подросток — он. Этот «он» не радуется пяти, которых насмерть, каждый день...

— Может, и не каждый, — признался старшина, — но у него всегда есть запас. Он же разведчик, в окопы немецкие пробирается, к спящим.

— А потом из пулемёта!

— Ножом... У него немцы под Стрельней сожгли дом с матерью, женой, двумя дочками... Не дали из дома выйти.

Командир появился неприметно. Гимнастёрка на одном плече, второй рукав за ремень заткнут. Грудь забинтована. Шёл неуверенно, голова, должно быть, кружилась. Сапоги огромные и руки, но правая на перевязи. Подошёл к пер-

вому немцу, к офицеру, который морду драл. Схватил за голову, притянул к себе.

... Она и теперь хлестала, во сне. Капли щёлкали и по нему, с пистолетом от рабочего класса. Немец валился навзничь, но голова второго немца уже дёргалась, хрипела. Била красная струя, и третий в строю рухнул, и четвёртый рухнул. Никем не тронутые рухнули... И стоял вой. Вот только кто выль?

Тот подросток, до которого долетели капли, бросил пистолетик и побежал.

...Владимир Фёдорович открыл глаза. Всё это во сне...

Старшина успел поперёк тельца схватить. Принёс в дом, набулькал чего-то из фляжки в стакан.

— Пей.

Пил и, что это было, не понял. Потом они все пятеро тащили пустую тележку. И у каждого в руке была плитка шоколада! Трофейного.

Догадались остановиться, спрятали шоколад, а у Володьки ноги не шли. Ребята не знали, куда их друга водили, но старшина, возвращая, держал его за плечи.

— Тот день был самым сытным за блокаду.

Он услышал себя и совсем уже очнулся.

Дрёма — мгновение, но всё уместилось, и он досмотрел запретное.

— Это уже было!

Сказал, но тотчас сообразил: это будет. Горячие капли будут щёлкать по листе и по его лицу... Встал, добрел до сосенок. Набрал маслят полное лукошко.

Телевизор

Кэлектричке Владимира Фёдоровича отвозил Олег — отец Антоши, астроном, открывший астероид «Юля».

Кристаллу Олег обрадовался:

— Телескоп будет отменный! Через месяц все звёзды ваши!

До электрички оставалось двенадцать минут, провожать себя к поезду Владимир Фёдорович Олегу не разрешил.

— Тебя Антоша ждёт.

Астроном из машины вышел. Поклонился Владимиру Фёдоровичу.

— Вы — наш. Спасибо! Смотрящие в небо — люди надежды.

— А на что надежда?

— На чудо. Любители тайны о параллельных мирах разглагольствуют, но поднимите ж голову! Галактик как звёзд, и всё это — миры. А миры — воздух Бога. Бог выдохнет — и сонмы Вселенных.

Владимир Фёдорович смотрел на отца Антоши с удивлением, с восхищением. Такой молодой, а всё понимает.

— Жалко, не поговорили!

Поспешил к кассе, протискиваясь через ожидающих электричку таксистов. И — замер. Голову пригнул. Скорее всего показалось, но к вокзалу трусцой семенил.

Былое настигло.

Он тогда из Ливии прилетел. Вёз тележку Зелёным коридором. На тележке — пять чемоданов, Каддафи заплатил им за работу очень даже хорошо. По советским меркам, конечно.

Двери из аэропорта распахнулись. Стоянка такси. У машины с шашечками — Зюзя. Посмотрел, прищурился, узнал и — повалился. Когда электричка тронулась, Владимир Фёдорович сидел, нагнувшись, будто шнурок у него развязался. Умчались, но что ни остановка — на двери взглядывал, хотя это уже полная бессмыслица. Зюзя остался там... Там.

Дома — новости. Савельев на мосту через железную дорогу остановил, рассказал. Был он на приёме в конторе Гидромонтажа. Приём в честь ветеранов. Предлог — не подкупаешься: нашлась плёнка, запечатлевшая работу их великой бурильной установки. Диаметр механизма, забирающего породу, — четыре с половиной метра.

— Заливными языками угощали, заливными судаками. Коньяк пятизвёздочный! Слышь, Володя! — радовался Савельев. — В музее повесили мундир Кузнецова. Адмиральский!

— Было человек тридцать? — спросил Владимир Фёдорович.

— Сорок семь — сам считал!

— Сорок семь голосов, а там ещё жёны!

Утром в день голосования Наталья Ивановна объявила:

— Я с тобой. За Татьяну проголосую.

Во второй школе, где был их участок, кабины для бюллетеней стояли на втором этаже, в спор-

тивном зале. На первом столы торговцев. Пирожки, морс, соки. И — никого!

Комиссия обрадовалась двум пенсионерам: народ.

Проголосовали. Владимир Фёдорович подошёл к наблюдателю от «Единой России».

— Завтра объявите о победе. Семьдесят два процента граждан отдали голоса вашей партии.

Показал на пустой зал.

— Мы с женой голосовали за Павлову.

— Такова реальность! — твёрдо сказал наблюдатель. — Победа неоспорима.

— Мы с Натальей Ивановной — двадцать восемь процентов противников, а проголосовавший за самого себя Птенчиков — остальные семьдесят два. Что же это за «Единая Россия», если ей этот Птенчиков дорог!

Молчанием проводил в зал стариков. Владимир Фёдорович видел: большинство молчало с одобрением.

— Напророчили!.. У нас в России вместо пророков как раз «Единая Россия». Из шести тысяч избирателей за Птенчикова подано бюллетеней — 571. За Татьяну — 512. Победа и впрямь неоспоримая, тем более административный ресурс работал на Птенчикова.

— Татьяна оспаривать безобразие нашего сокола и его близкой к Богу партии не захотела! — сообщая о результатах выборов, Наталья Ивановна слёзы платочком отирала.

— Натка! Бог накажет! Но ведь нас с тобой — не тех, кто оплёл нашу жизнь паутиной. Тебя и меня отдадут сатане, мы же терпим нечисть.

— Не хули Свет. Господь карает предающих Его. Иван Грозный сдирал с живых людей кожу, и племя его пресеклось на убогом царе Иванушке. Пётр опоганил всё русское и собственными руками замучил до смерти сына Алексея — выкорчевал своё же семя.

Владимир Фёдорович даже сторбился.

— Верно говоришь, Романовы кончились на девках: на Анне Иоанновне, на Елизавете Петровне... Пётр III — немец, Екатерина — немка, все прочие наши цари жён брали в Германии. У всей этой немчуры, у своих вырожденков, мурлыкающих по-французски, в рабах оказался русский мужик. Ну, а в Селятине нам второй срок придётся терпеть Птенчикова, врага живой земли.

Владимир Фёдорович закипал, и Наталья Ивановна включила телевизор, чай подала.

На первом канале — «Голос». Красные четыре кресла, в креслах Билан — молодая поросль, Пелагея — якобы русского духа человек, мудрый Градский, маэстро Агутин. Всякий претендент трепещет: на глазах вершится судьба! Повернётся хоть одно кресло к поющему — прошёл в следующее чистилище. Пел африканец, осевший в Курске. Одно кресло повернулось.

Пел цыган — еврей — русский — молдаванин, пел как заправский заокеанский визгун — повернулись все четверо. У цыгана — еврея — русского и т. д. семеро детей. Общая радость! Пела восемнадцатилетняя девица с Алтая, но тоже повернулись. И тут вышел красивый, двадцатитрёхлетний русачок. Бас — единственный за всё верченье вершителей судеб. Не повернулись. Похвалили. Бас редкий, но без верхов. Градский вспомнил: в царское время таким басам платили больше, чем Шаляпину. Однако ж не нужен. Да и пел по-русски!

Владимир Фёдорович в сердцах перещёлкнул кнопками: ледовое шоу. Мечется свет, музыка задушевная. Она — чемпион мира, он — звезда сериалов о ворах, о подонстве местной власти.

— Шесть, шесть, шесть, пять!

— До чего же мне опротивели эти морды! — Владимир Фёдорович со стуком чашку на блюдечко опустил. — Тарасова за Америку гундит. Если кто не так сказал о дядюшке Сэме, в глаза готова вцепиться. А уж этот балерун с копной волос! Он всюду. Перещёлкнул вечером кнопку пять раз и пять раз на него будешь пялиться.

Владимир Фёдорович ещё раз переключил программу: стреляют. Ещё разок.

— Давно не виделись!

Галкин показывал свой дворец.

— Наш герцог! — усмехнулась Наталья Ивановна.

Тут и Аллу Борисовну показали.

— Натка! Ты слышишь, что это за передача? Они с народом говорят! Наши светочи, наш русский дар, наша ответственность перед миром, перед Богом! Гении природной русской деликатности, совести, совестливости...

Наталья Ивановна встала за спиной Владимира Фёдоровича. Обняла, щекой к голове прижалась.

— На что они тебе дались... Телешоу. Из те-

левизора эти господа не вылазят. Все их видели, все знают. Бабки подсчитывают, сколько мужей у Аллы Борисовны.

— Слушай, а как её фамилия? — стукнул себя по лбу Владимир Фёдорович.

Наталья Ивановна тоже изумилась.

— Ты знаешь, забыла. Что-то вроде... Не Плисецкая. Ротару вот вспомнила. Кристалинская была, Зыкина. Галину Вишневскую всё время нам совали, хулиганку Степанову, жену, как его... Юмориста. Перестали, слава богу, показывать. Даже Задорнова стало поменьше... Круглые сутки шутят... Алла Борисовна... Нет, не помню...

— Такова она, телеслава. В дом влезают не спросясь... Галкин этот... Телевыродки! Алла пела когда-то по-своему. Галкин — артист, конечно, четвёртого сорта. Попугай, умеющий передразнить хозяина.

— Володя! Но за какие заслуги этому десятому супругу примадонны платят миллионы?.. Да какие миллионы, миллиарды! Он же дворец построил. Шаляпина передразнит и Русланову передразнит, свою родную Аллу Борисовну — с превеликим удовольствием! — это же обоим слава! Вот только что он дал русскому искусству, России?

— Натка, а ведь ты тоже квохчешь как наседка!

— При чём тут наседка?

— Ты же мне говоришь — «распетушился». Коль петух, то ты... Натка, это ведь очень серьёзно. Представляешь, что вытворяет с нашим народом многоэтажная сия банда.

Щёлкнул кнопкой.

— Вот они во всей красе.

На экране Задорнов читал по тетрадке своей бесконечный смеховздор.

Ещё щелчок, ещё.

Великий Хазанов, ежедневная на экране Гусева, всемирно известная оперная певица — фамилию не вспомнили, сам Жириновский — судили и рядили, как Пенкин изобразил Поля Робсона.

Слышалось: «Великолепно! Безумно талантливо! Явлена минувшая эпоха! Какая отточенность жеста! Стопроцентный Робсон. Гримёры тоже поработали превосходно».

Жириновский стряхнул движением руки всю патоку похвал и объявил:

— Этот темнокожий — советский прикормыш. И чем лучше он показан, тем хуже. Моя оценка — нуль!

— Ну, что скажешь? — Владимир Фёдорович вроде бы даже обессилел.

— Шутят. Плохого в этом не вижу. Между прочим, одна певица до того трогательно изобразила Анну Герман — я плакала.

— Талантливые люди талантливо передразнивают очень знаменитых! — Владимир Фёдорович с креслица вскочил. — А ты слышала, как эта певица — копия Анны Герман — поёт сама? Ты много раз слушала по телевидению концерты Пенкина? У него, говорят, голос необыкновенный!

— Не слышала, — согласилась Наталья Ивановна.

Владимир Фёдорович тыкал пальцем в Хазанова, хвалившего певицу Ким, изобразившую американскую негритянку.

Выключил звук.

— Все талантливы, все доброжелательны. Натка! Это страшная передача. Измывательство над искусством. Вместо человека обезьяна. Они же обезьянничают. Натка, это — Антихрист! Стихия сатанизма испачкать Творение Творца. Все они, — постучал по экрану костяшками пальцев, — не понимают, кому служат. А скорее всего — понимают.

Выключил телевизор.

Наталья Ивановна сидела поникшая, несчастная.

— Твоя правда — правда. А поделаться с этим мы ничего уже не можем. Разве что выключить телевизор и Богу помолиться.

Орден четвёртой степени

Телефонные звонки случаются совершенно неожиданные. Владимира Фёдоровича пригласили в Совет Федерации.

Наталья Ивановна встревожилась.

— Что им от тебя надо?

— Отсидел своё сполна. Наши тайны давным-давно проданы американцам за так Горбачевым и Ельциным.

— Я поеду с тобой, — решила Наталья Ивановна.

— Приглашение на одного. У них пропуска.

— Подожду. В кафе посижу, на москвичей погляжу.

В кафе Наталье Ивановне пришлось пить чай полтора часа.

Вошёл — увидела, и он увидел.

— Что?

— Орден четвёртой степени. Ниже не бывает.

— Какой орден?

— Не знаю. Не расслышал. В зеркало дома посмотрюсь — скажу. Да ведь и не скажу: у нынешних наград не наши имена.

Наталья Ивановна всей грудью вздохнула.

— Что же ты мрачный-то?

— Я им всё-таки сказал.

— О-о-о! — голову ладонями обняла.

— Ничего страшного. Сказал я так: за нашу работу мы заслужили не меньше ордена Ленина, а к ордену в придачу медаль «Золотая Звезда». Но в эпоху застоя начальство себя награждало, в перестройку за иноземными орденами гонялось. Вам всем спасибо, вспомнили о стариках, но это не наши ордена.

— А почему не отобрали у такого умника?

— Да ведь прикололи. Снять — это уже происшествие.

Наталья Ивановна поцеловала своего правдолюбца.

— Всё-таки ты дурак! Этот орден у тебя — единственный.

— За работу, какую мы сделали, я не меньше семи звёзд достоин. Но у нас Любов — орденосец. Моя смелость, моя смекалка, мои расчеты сэкономили стране годы и миллиарды. Я это знаю. И мои инженеры и рабочие тоже знали.

Отметили награду чашечкой кофе, Владимир Фёдорович засмеялся.

— Эх, Натка! Бодливой козе Бог рогов не даёт. Но ведь это была наша жизнь. Мы жили, а жизнь — высшая награда Творца... Господь, глядишь, про запас меня держит: устроить Ему к сроку какую-нибудь Вселенную.

— Своди меня в Третьяковку! — сказала Наталья Ивановна.

Третьяковка

— Сволочи! — громковато получилось, на Владимира Фёдоровича оглядывались.

— Володя, что тебе не так? — шёпотом спросила Наталья Ивановна.

Они стояли в небольшой очереди за билетами. Показал на цены: «300 — для взрослых, 150 — пенсионеры и дети».

— Вот он, Путин!

— При чём тут Путин? Здесь свои хозяева.

— Путин должен понимать. Эти хозяева отсекают народ от искусства. Главное: молодёжи от ворот поворот. Всё для богатых. Но ведь, Натка! Это воровство города Москвы. Третьяков подарил свою галерею Москве, обязав градоначальников допускать народ до искусства бесплатно.

— Не пойдём?

— Пойдём!

И они, рассерженный и расстроенная, зашли в зал на первом этаже.

— Тут иконы! — порадовалась Наталья Ивановна.

Что-то в виде прихожей. Слева — святой воин в золотистых доспехах, справа — каменная плита, на ней — два воина.

Стены тёмные, но от икон — свет.

— Эммануил! — прочитала Наталья Ивановна.

Замерла перед иконой с тремя ликами: Богородица, Иисус Христос, Иоанн Предтеча. Лик Богородицы родной. У них дома книга с этим ликом.

А впереди — Великая Панагия. Икона в рост, Богомладенец в золотом кольце на груди. Икона знаменитая.

— Ко мне подойди! — позвал Владимир Фёдорович, он стоял перед образом Николая Мирликийского. — Я здесь несколько раз был, всё забывается, а эта икона — во мне.

— Истинный византиец, — сказала Наталья Ивановна.

Владимир Фёдорович наклонился к надписи.

— Новгород. Начало XIII века.

— Всё равно. Слово с живого человека списан. Какие тонкие, с удивительными изломами брови! Лик утончённый, в глазах не гроза, а самая настоящая печаль человека, думающего о человеке.

Наталья Ивановна поклонилась иконе и увидела перед собой свою.

— Володя! Толгская! Из Ярославля! Приложиться можно?

— Стекло. Людей нет.

Наталья Ивановна перекрестилась, приложилась. Владимир Фёдорович взял её под руку.

— Поспешим к Донской, пока экскурсии не пожаловали.

— Это тоже дорогой для меня образ! — сказала Наталья Ивановна. — Как Младенец-то приникает к Маме. Ножки, смотри, на руке Богородицы!

— Лучшая улыбка из всего, что написано рукой человека... У Леонарда да Винчи тоже вроде улыбается, но самой себе, а здесь — любовь.

Стоял, сложа руки у горла, словно слёзы собирался перехватить.

— Наташа, моя душа тоже в этой улыбке. Меня бабушка из Переславля возила сюда к Донской, к Владимирской, к Троице Рублёва.

— То-то мне чудится, Богородица тебя узнала.

Не смеялась Наталья Ивановна, и он ответил серьёзно:

— На мне такое, чего не отмолишь. Я к Богородице тайком приходил. Взмакал как мышь, но стоял, смотрел. И Она улыбалась. Это моей-то судьбе. Она улыбается судьбе русского народа, я в этой улыбке тысячная доля, воздух неосязаемый.

— Приложусь? — спросила Наталья Ивановна.

Никто не смотрел, туристы с гидом были в соседнем зале. Приложились.

— А ты?

— Не смею.

Перед Спасом Рублева постояли, поклонились, но сели. Усталость уже наваливалась, с шести утра на ногах.

У Господа от лика свет. В очах покой и вечная жизнь. Господь эту жизнь видит: и ту, что минула, и ту, что грядет.

— О чем ты помолился? — спросила Наталья Ивановна.

Ответ изумил:

— О Красноярске-26, о девятке нашей, о Железногорске. У этой пирамиды Сталина были ещё какие-то наименования.

— «Город 26», — вспомнила Наталья Ивановна.

— И комбинатом назывался, не помню, под каким номером.

— Что же ты просил у Господа?

— Ничего. Просил прощения. Красноярск-26 тоже ведь Божье дело.

Наталья Ивановна глянула испуганно.

— Не знаю, можно ли так говорить с Всевышним... Зачем ты называешь город 26 — Божьим. Место, где добывали всемирную смерть, — дело разума и рук человеческих.

Владимир Фёдорович приобнял жену.

— Наташа! Творец создал уран и плутоний. Но возможно ли добыть двуокись плутония и нитрат урана без Промысла? Окинь взором всю эту стройплощадку, одну из многих наших, окинь тем же взором, каким глядишь на звёзды в небе.

— Ох, Володя! Красноярск-26, я согласна, как Млечный Путь. Но он для бомбы.

— Не было бы бомбы, и нас с тобой не было бы. Но громада какая! Одни вентиляторы чего стоят. Мне пришлось загонять их в недра гор. Пять с половиной миллионов кубометров воздуха за час! А сколько под водой муравьишек бегало, и среди них наш Иван. МСУ-22 по дну Енисея от ядерного комбината до отстойников протянул две нитки стальных труб да ещё трубу из чугуна — на двести четырнадцать километров!

— Ну, какие муравьишки! Володя, ты вспомни, на прокладке труб и прочего работали всего шестьдесят водолазов.

— А сверху шестьдесят пять тысяч зеков. Сколько их там осталось — один бог знает.

— Я в Красноярск-26 была направлена, когда там работали военные.

— Стройбаты дали нам сто тысяч солдат... Наташа, город 26 и впрямь похож на звёздное небо, только спрятанное в толще гор. Реакторное и радиохимическое производство, атомная ТЭЦ, три уранографитных реактора, один из них производил плутоний 239. Два легководных реактора с графитовыми заместителями и водным охлаждением.

— Вот и загрязнили радиацией и Енисей, и тайгу по берегам.

— Наташа, американцев спешили опередить. Войну. И не мы ли с тобой трудились на строительстве АДЕ-2 с замкнутым контуром охлаждения. Исключили выброс радиоактивной воды в реку. Заодно дали тепло, электричество всему Железногорску.

— Что же ты хочешь от Создателя?

— Хочу знать, грешников собирает Бог строить такие чудовищные громады — саму смерть Земли, или святых?

Наталя Ивановна вздохнула.

— Нами сотворенная смерть, ты, конечно, прав, заперта сама в себе. Но она заперла накрепко смерть, сотворённую в Ханворде под самим Вашингтоном, — показала на уходящих от Троицы японцев, горестно покачала головою. — Знали бы они, кто мы такие и о чём наши печали!

Владимир Фёдорович поднялся, осветил лицом, должно быть, открыл сердце и пошёл побывать перед Троицей. Троица, сотворившая мир, призадумалась над Агнцем. Бог на иконе был с человеком, печаль Бога на иконе человеческая. Все три лика Троицы — свет. Святому свету не дано дара покоя. Летящий во все концы Вселенной, он — судьба человека.

Наталя Ивановна благодарила душой Троицу за Владимира Фёдоровича, за преобразование, зримо явленное в нём. Взявшись за руки, они перешли во второй зал. Постояли перед иконой «Церковь воинствующая». Всю стену занимала.

В нижнем ряду — святое воинство на конях, с пиками. Щиты с особыми знаками. В центре иконы — два войска. Впереди в огненном круге — на пламенеющем крылатом коне крылатый воин. Может быть, архангел Михаил.

За ним — всадник с красным знаменем, на знамени — золотой круг и некие воины, окружившие надёжно всадника, у которого вместо оружия — крест. Дальше — три царя на конях и войско. Поверху иконы — бесчисленная конная рать. Всё это движется к небесной сфере, где на троне Богородица с Младенцем, благословляющим воинство, и крылатые сущности с огненными крыльями и с крыльями без пламени, но с золотой каймой. Икона помечена датой: 1550-е годы.

— Время победоносных походов Иоанна Васильевича Грозного, — сказал Владимир Фёдорович.

Наталя Ивановна остановилась перед причудливой красотой икон XVIII века, а Владимир Фёдорович постоял перед парсуной Скопина-Шуйского, освободителя Москвы, и помолился Василию Блаженному. Икона совсем простая. На иконе — тощий голый старец!

Подошла Наталя Ивановна.

— Я в храм хочу. Это кто?

— Совесть.

— «Василий Блаженный», — прочитала Наталя Ивановна. — Я не знала, что он ходил по

Москве зимой и летом вот так. Думала, без шапки, без шапки... Пошли, а то поздно, как бы храм не закрыли.

Нынешняя Европа

Храм закрывали, но престарелых пенсионеров всё-таки пустили к Владимирской.

— Только недолго.

Наталья Ивановна — по ступеням вверх, мимо всего — к Богородице. Опустилась на колени, слёзы двумя дорожками из глаз. У Богородицы Донской над ужасом судьбы Младенца — всё-таки улыбка, ощущение живого тельца — кровинки Своей. Благословение всего лучшего, что есть в тебе, в твоём народе, благословение всех живущих, любящих, трудящихся... Образ Владимирской иной, уже мафорий Богородицы тревожил душу своей строгостью, но таким для сердца притягательным цветом. Лик Пречистый светосносный, но свет приглушён пред Ликом приникшего Дитя. Губы Богоматери сомкнуты скорбью о смерти Сына на Кресте, но чудится скорбь, запечатлённая в глазах, перебарывается виденьем грядущего Царства Божия.

— Богородица, заступись за Дину! — молился Владимир Фёдорович. — Она же совсем девочка, подросточек. Ей не дано было дней, чтоб прийти к Твоему Сыну и к Тебе Всемиливой, как приходили мы, крещённые лагерями за колючей проволокой.

Положил три поклона, хотя спина-то не гнулась, подождал, когда приложится к иконе Наталья Ивановна, сделал шаг вперёд и коснулся-таки губами стекла у ножки Господа.

Что-то ответило на прикосновение то ли прикосновением, то ли недоступным для слов, но явственным ощущением.

Они шли от иконы тесно друг к другу — одна жизнь, одно на двоих и на весь белый свет — Слово.

...В электричке сели возле окна. В вагоне всего несколько человек, отправление через сорок минут.

Владимир Фёдорович был в лёгкой куртке.

— Расстегнись! — попросила Наталья Ивановна. — Орден покажи.

— Дома!

— Никто на нас не смотрит.

Владимир Фёдорович взял было за молнию, но двери распахнулись, вошёл молодой человек, увидел у окна свободное место, сел напротив старичков, открыл ноутбук.

— Ладно! — улыбнулась Наталья Ивановна. — У меня сохранилась початая бутылка «Наполеона Курвуазье». Обмоем.

— Это лётчики в спирт кидали ордена. Чтоб ещё получить. Мой — первый и последний. — Владимира Фёдоровича одолевала дрема.

— Да тебе и за Мангышлак орденки должны, за Новую Землю, за жуткий Азгир! — Наталья Ивановна даже рассердилась.

— Вверху не осталось людей, которые обо всём знали, — Владимира Фёдоровича несколько не тревожили неполученные ордена. — Натка, Азгир в наши дни — это уже государство другое.

— А от Ливии и государства не осталось.

Послышалось: кто-то рычит. Поглядели по вагону, а рычание исходит от пассажира напротив. Рычал, как стонал.

— Какое же беспардонное измывательство.

Посмотрел на соседей...

— Это не я с ума сошёл. Извините. Если не стошнит, вот гляньте, — повернул к Владимиру Фёдоровичу экран.

Двое: пожилой господин, благородная седина, породистое высокомерное лицо, прижимает к груди руку счастливого мудроликого пастора.

— Парочка! Муж и жена! — объяснил проходящее молодой человек.

— Это же священник! — заикнулась Наталья Ивановна, но оборвала себя. — Мерзопакостники!

— Образ современной Европы. Гниёт живо, как в сифилисе!

Молодой человек закрыл свою машину.

Электричка пошла. Университет. Торчащие, как пальцы, высотное подхалимство Лужкова. И у нас-де Америка.

Поклонная гора, уничтоженная океанским аквариумом, которого не будет, модернистски построенная церковь Георгия Победоносца...

— Я смотрю на вас и вижу людей, живущих достойной жизнью и главное — в любви! — молодого человека тянуло поговорить, пофилософствовать. — А это что?!

Постучал по компьютеру.

— Слава богу, не у нас! — сказала Наталья Ивановна.

— Пока не у нас, — поправил Владимир Фёдорович.

— Потому и страшно! — молодой человек, ничего не видя, глядел в окно. — Мы ведь с такой страстью бросаемся догонять просвещённые страны! Не знаю, сколько лет понадобится, но в такой вот электричке лет через двадцать будут сидеть парочки: он и он, она и она, а если она и он, извольте в последний вагон, для граждан второго сорта.

— До того тошно, что и разговаривать тошно.

— Наталья Ивановна тоже уставилась в окно.

Молчали две-три остановки.

— А ведь догоним и перегоним! — в глазах молодого человека сверкала ненависть.

— Мы — Россия, — возразила Наталья Ивановна. — Папы Римские по-всякому исхитрялись переделать православных в католиков. Шестьсот лет стараются — не получилось.

— В церковь ходит один процент населения! — переходя на шепот, почти вскрикнул молодой человек.

— Мы коммунистами были искренними. Многие в сердце и нынче коммунисты. — Владимиру Фёдоровичу молодой человек понравился: явно ищет опоры. — Вы поймите: богоборческое наше государство официально обязало народ соблюдать заповеди Христа. Носящих крест осмеивали, да только не на войне, когда в атаку поднимать нужно было. Мы же не только руки мыли после работы, садясь за стол, мы брали хлеб чистые душой и помыслами, честные перед детьми и всеми своими предками. Богом нашим была совесть. А совесть — это и есть Бог.

— Хорошо сказано! — поразился молодой человек и ахнул: — Толстопальцево!

Выскочил из вагона, махал рукой, провожая, что-то кричал, но электричка срывается с места, взывая электромотором, грохоча колёсами.

— Не пропадём, — улыбнулся Владимир Фёдорович.

— Хорошая молодёжь! — согласилась Наталья Ивановна.

В ту ночь, ложась в постель, Владимир Фёдорович перекрестил пространство спальни.

— Ты как монах, — удивилась Наталья Ивановна.

— Не заметила, что ли? На дворе времена антихриста.

— Володя, погрей меня, а то совсем запугал.

Лёг. Придвинулся. Тепло жены надёжное.

— Володя, день-то прожили уж очень хороший.

— А парочка в компьютере? И это после Богоматери, после рублёвской Троицы! Откуда он взялся на нашу голову? И ведь человек-то явно наш. Наш, а благочестие перечеркнул.

— У тьмы нет такой тьмы — перечеркнуть Владимирскую, Донскую, Фёдоровскую. Пакость она и есть пакость. Если это нам послано, так в укреплении.

— Тебе на богословский факультет нужно было идти.

— Пошла бы, но женщин скорее всего в духовную академию не примут! — ойкнула вдруг: — Володечка! На орден твой так и не посмотрели.

— Завтра! — и через мгновение спал.

— В тюрьме научили! — через столько-то лет догадалась Наталья Ивановна.

Лирические моря Луны

Олег позвонил. Владимир Фёдорович пошёл колбасы купить. Докторская — 450, ветчина — 700. Санкции.

Были бы Гренадой — солдат прислали, были бы Сербией — остались за неделю без заводов, без электростанций... Перед глазами последние съёмки Саддама, Кадафи...

В России дорожают колбаса и сыр...

Приехал Олег с двумя астрономами, привезли серьёзный телескоп, установили... Олег остался на ночь нацеливать всевидящий глаз на небо.

Ради небесных дел ужинали рано. Наталья Ивановна угостила мужчин ликёром «Шеридан». Из одной дырочки в рюмку — белое, из другой — золотое. И кофе, и выпивка. Вкусно, сладко, но астроном вздыхал не без горести.

— Антошу вижу раз в месяц. Юля у родителей тоже гость редкий. Безотцовщина мой Антоша. Я бы ничего. Моя зарплата Юлю не устраивает: разок в ресторан сходить, а Юля у нас отдыхает на Канарах, на Гавайях. Мечтает о муже футболисте.

А у Владимира Фёдоровича в глазах огонёк загорелся.

— А как ты относишься к великой любви нашего президента к спорту?

— Национальная беда! — Олегу почему-то было весело. — На Сочи триллионы грохнули. Да вон хоть треть «Единой России» — думской — спортсмены. Фигуристы, борцы, боксёры, конькобежцы... Гимнастки, разумеется...

— А футболистов — тю-тю! — позлорадствовал Владимир Фёдорович

— Профессиональный спорт. Легкоатлеты Англии — темнокожие. Слово «темнокожие», кажется, у нас не запрещено? У Франции белокожие — редкость. На наших полях нигерийцы, бразильцы... Три гола за сезон казне обходятся в три миллиона. Евро. А Борис Андреевич, Юлин папа — профессор, доктор наук. Институт знаменитый — МИИТ. Восемь тысяч рублей.

Владимир Фёдорович помассажировал грудь там, где сердце.

— Меня изумляют спортсмены-законодатели. Госпожа Жулина — начальство в Думе... Нет, не Жулина... Жулин — фигурист. Эта барышня на коньках бегала. Олимпийская чемпионка. Не постыдилась, а может, мозги набекрень перед телевизионными камерами, брякнула: «Нам, депутатам, надо готовиться к подавлению народных выступлений».

Наталья Ивановна расставляла чайные чашки на столе. Сказала мужчинам:

— Миллиардов семьдесят предусмотрены бюджетом на строительство стадионов. Забота о здоровье нации.

Олег сидел поникший, усталый.

— Моя сестра — фигуристка с трёх лет. В школу не ходила. Учёба заочная. Спину ломала, слава богу, обошлось без инвалидности... Вот такие они — в Думе, законодатели наши. А про здоровье и говорить нечего. Какое здоровье у штангистов, бегунов, хоккеистов? У кого и совесть покалечена.

— Тут я с тобой согласен! — подхватил Владимир Фёдорович. — Подростком на себе почувствовал, какая это сволочь — большой спорт. Мы всё лето в футбол гоняли. Один наш паренёк попал в «Искру», в детскую команду. «Искра» во второй группе мастеров играла. Недели не прошло, а наш Бобров стал на поле ловчить: руками мяч себе подыгрывал, наступил мне на пятку — догнать не мог, я половину лета хромал. Вратарю

— угловой подавали — локтем в лицо ударил. Мы гада окружили, а он крестится: «Нас так учат! И руками мяч подыгрывать, и подножки ставить». Мы ему пинка, а он издали кричит нам: «Лопухи! Вас в настоящую команду не возьмут!» — Владимир Фёдорович потянулся к Олегу через стол. — Знаешь, что самое главное? Нашему Боброву в семнадцать лет коленную чашечку раздробили.

— Владимир Фёдорович, у нас с вами выхода нет. Ни малейшего. За Путина стоять необходимо едино и всенародно! Девяносто процентов богачей против Путина — их дворцы в Европе, их бизнес под контролем США, а если не бизнес, так денюжки. Здесь и другари Черномырдина. Вот у кого совесть была чёрная. Здравствуют демократы Гайдара. Они же герои развала СССР. До полного истребления всего и вся. Народ убывал по миллиону за год.

Наталья Ивановна подала пирог.

— Это хорошо, если молодые всё понимают.

— Наш народ напасти терпением перемалывает, — сказал Владимир Фёдорович.

Олег попробовал пирога.

— Вкусно! Владимир Фёдорович, вы помните генеральский погон на пузе? Мы его перетерпели или как?

— Уже звёзды! — сказала Наталья Ивановна.

— Идёмте на башню. Я тоже погляжу, что там у Бога на небеси.

Оказалось, Олег навёл телескоп на растущую Луну.

— Господи! Это близко! — изумилась Наталья Ивановна. — Володя! Луну будто крючком связали! Она же будто скатерть!

— Изволь гляну.

— Владимир Фёдорович, вы идите глазами по линии лунной тени. Кратеры по контуру весьма зримые, — подсказал Олег.

— Зримые, — согласился создатель линзы. — Удивительно! Все впадины кольцевые.

— Глубину кратеров и высоту гор определяют по длине теней, — сказал Олег. — Я Луной никогда не занимался, но помню моря: Восточное, Влажности, море Облаков, море Дождей. У моря Дождей заливы Росы, Радуги. По берегам морей горные массивы: Альпы, Кавказ, Апеннины. А у моря Паров залив Зноя... Кратеры тоже не безымянные: Пифагора, Оппенгеймера, Шиллера, Кеплера. И наших

много: Вавилов, Чебышев, Струве, Гагарин, Королёв, Курчатов, Павлов... Эйнштейн, разумеется, Жюль Верн, Уэллс, Циолковский...

Наталья Ивановна снова приложила к окуляру.

— Владимир Фёдорович! У меня мысль. Эта Луна в нашем телескопе — наша. Вот и назовём моря и кратеры именами селятинцев. Уж очень долго были мы засекреченные... Пусть Россия знает, кто её от американской дружбы хранил. Море Кузнецова, море Лукина — великого буровщика, кратер Савельева, твой кратер, нашего Ивана-водолаза.

— Хорошая мысль, — согласился Владимир Фёдорович, — в 1947 году Трумэн собирался отправить в бессмертие семьдесят наших городов. И отправил бы — бомб и ракет у него было маловато. Перетерпела Россия страшные годочки. Сталинская жестокая воля родила нашу бомбу...

— На звёзды смотрите, — сказал Олег. — Что они такое — Трумэн, Черчилль, Пётр Великий — перед скопищами миров?

Тоска по минувшему

Владимир Фёдорович целую неделю прожил на даче, не расставаясь по ночам с телескопом.

Ждал внучку, но Наташа позвонила из Турции: супругу Наташи дали отпуск, воспользовались. Анталия! Анталия!

— Поехали в Селятино, — распорядился Владимир Фёдорович.

Дело на ночь глядя, но Наталья Ивановна согласилась.

Приехали домой, щёлкнули выключателем — лампочка синим вспыхнула.

— Напряжение, что ли, не контролируют? — возмутился Владимир Фёдорович.

Лампочки у них по дому — новые, вредные: экономия по Медведеву.

— Энергии сэберегут на грош, а в лампочках — ртуть. И никто эту отраву не собирает!

— Не сердись! — посоветовала Наталья Ивановна. — Две лампочки есть, завтра куплю про запас. Видно, срок вышел, живём в России, а заведения у нас все американские.

Пошла в туалет, и, как на смех, лампочка снова сгорела.

— Тебе свечу подать? — сердился Владимир Фёдорович.

— Обойдусь.

Утром Наталья Ивановна отправилась за лампочками в хозяйственный магазин, Владимир Фёдорович — в аптеку: «Омника» надо купить, заодно зайти на продуктовый рынок у пруда.

Взял поляницу, почему-то подешевевшую ледяную рыбу — стоила восемьсот рублей, а тут вдруг продали за пятьсот. Для уха купил живого карпа...

— Что-то суховата твоя ледяная, — засомневалась Наталья Ивановна. — Ладно, отварю. Чур, пробую первая.

Сели завтракать, отрезали поляницы — непропеченная.

— Подонки! Пойду отнесу.

— Угомонись! — урезонила Наталья Ивановна. — Птицам скормим. Я чёрного купила. Мягкий, ароматный.

Позавтракали. С ледяной рыбой тоже обошлось. Вкусная, без костей.

— Когда-то копейки стоила! — усмехнулся Владимир Фёдорович. — Я с бабушкой всё спорил. Она говорила, что в царское время жизнь была сытная и дешёвая, а я — своё. Царская власть — против народа. Вот и наказан за споры со старшими. Каждый день СССР вспоминаю. Булочка — три копейки, обед, очень хороший, — копейки восемьдесят, водка — два рубля восемьдесят семь, коньяк три звездочки — три рубля двенадцать копеек.

— Килограмм помидоров — семь копеек. Картошка... не помню. Когда в Крыму жили, Наташа из Ленинграда прилетела на зимние каникулы. На билет стипендии хватало. Двадцать шесть рублей, что ли, или тридцать два... И все на Запад кивали, завидовали капиталистам!

— Я не завидовал, — возразил Владимир Фёдорович. — Машины и механизмы у нас были надёжные, еда без иммунных гадостей. Помню, из Ливии летели. Почему-то в Афинах садились. Целый день у нас был. Гуляю вечером по улице, столики ресторанные — на тротуаре. Сидят греки, кайфуют. Перед каждым рюмочка с напёрсток — и весь пир. А в десять вечера мы уже были в гостинице в Софии у болгар. Пошли ужинать —

от еды столы ломаются, пляска идёт развесёлая, и все стонут: нам бы жить, как Греция живёт, социализм — кость в горле.

— Теперь и впрямь живут, как в Греции, — сказала Наталья Ивановна. — Греки в долгах. Беднейшая страна западного мира, а Болгария вообще нищенка.

Что-то тёрлось о ногу. Владимир Фёдорович опустил руку — Дашка. Покаялся.

— Ты со мной, а я, хоть и жил рядом, но совершенно о тебе не помнил. Натка, может быть, вся эта жизнь снится?

Наталья Ивановна подошла, обняла.

— Как же я тебя люблю, Володя! Всю нашу с тобой жизнь люблю. До единого денёчка.

О частице материи

Пошёл с Дашкой к «тропе здоровья». Сразу за памятником погибшему в 41-м лётчику — высоченный железный забор вместо трёх берёз.

— Срубили-таки сволочи! Ах, Птенчиков, Птенчиков! Когда же тебя кошка сожрёт!

У забора стоял Савельев.

— Здравствуй, Владимир Фёдорович. Вот памятник нам с тобой возводят.

— Нам с тобой? Памятник, небось, собственность Птенчикова.

— Я видел макет. Глупое сооружение.

Владимир Фёдорович грохнул кулаком о стену.

— Всё это предательство! Социализма, великих строек, нашего с тобой труда. Предательство по отношению к природе, к детям.

— Стало быть, к России.

— Россию они предают всяким часом своей поганой жизни.

— Другого начальства у нас нет.

Владимир Фёдорович засеменил за Дашкой, тянула на «тропу». Оглянулся.

— Перетерпим!

— Я с тобой, — сказал Савельев. — Кружок пройду, подышу воздухом Киевского шоссе.

— Перетерпим! — снова сказал Владимир Фёдорович.

— Знаешь, что я прочитал в какой-то газетке? В наше с тобой время учёные работали над поиском частицы, самой малой. И уже задумывались, как эту частицу разъять, подобно разъятому атому.

— Разнимут — и вот он, конец света. Старый мир пыхнет, и родится в то же самое мгновение новый мир.

— Сказка о птице Фениксе, — согласился Савельев.

— Тут другой вопрос. Будет ли новый мир Божьим, коли частицу разъемлет человек?

— А что он может — человек без Бога?! — весело сказал Савельев.

Дашка кинулась в лес, отпустил поводок, пусть полагает на белку. Признался Савельеву:

— Мне страшно. Кто-то не только формулы пишет, но и работает. Коллайдеры-то крутятся. Вернее, в коллайдерах нечто крутится, где эта самая частица.

— Сатана у Бога на цепи, — в Савельеве уверенность безбожника.

— А цепь-то, я гляжу, на мозгах — не на лапах. Лапы нас раздирают.

— Может, и так, — согласился Савельев. — Мы вон о чём, а Птенчикову лишней бы гектар леса смахнуть, очередной миллиончик прикарманить.

— Предатели! — сказал Владимир Фёдорович. — По-моему, сама жизнь в нашей стране предана. О русском народе, о русской земле я уже не говорю.

И вдруг явственно увидел зелёную ракету. Там, у себя, когда Дина солнцу порадовалась.

Ещё одна подлость капитализма

Это было у них.

Владимир Фёдорович поехал в Москву поливать цветы в квартире дочери и внучки.

Поднялся рано, чтоб вернуться к обеду. Вот и задремал.

Увидел себя в телеге, двенадцать мешков картошки вёз с поля. Грузили мешки женщины, ему — шестнадцатый, тоже носил мешки. Женщины мешок поднимали, ему на плечо — и пошёл. Пятьдесят килограммов — не ахти что. Сгружал чаще всего сам.

И лошади подсоблял. Сорок пудов да в нём пуда три с половиной — телега. Сходил с облучка, шёл рядом с возом.

Четыреста трудодней заработал. Не хотел в школу ходить.

...Сбросил мешок с плеча и проснулся. Занимая весь проход в вагоне, шли безбилетники. Следом — билетёры в тёмно-малиновых куртках.

Поезд остановился. Мимо окон помчалась толпа в вагоны, где билеты уже проверили.

— Вы лишаете меня внуков! — Владимир Фёдорович подал контролёрам карточку.

— Как это? — не поняла женщина.

— Билет до Селятина уже за сотню. Туда-обратно двести. Если муж и жена — четырёста. Да трое внуков, сколько берёте со школьников? Живу с дочерью рядом и даже в черте города, нынешняя дурацкая Москва уже в Рассудове, Рассудово дальше Селятина.

— Это не ко мне, — сказала контролёр.

— К министру, что ли, вашему? Он и есть хозяин всех дорог. И все дороги у него теперь нерентабельные. Ему мало быть миллиардером, триллион подавай!

— Это не ко мне, — устало повторила контролёр, глядя на бегущих по платформе. — Ах, девчушка-то опоздала!

У Наташи квартира трёхкомнатная — не музей Бориса, но тоже! Полукруглый, на всю гостиную диван. Пышные кресла. Ковры на стенах. А книжек — две стеклянные полочки, почти пустые, в комнате Верочки. Зато бар, стойка. Прямо-таки США. Цветы тоже особенные. Заморские. Подлил щедро.

Первая электричка после утреннего перерыва почти в час. Лёг на диване. И — ракета. Зелёная. Сон ушёл, но лежал. Не хотелось хоть как-то хозяйничать в этих комнатах.

С чего бы ракета снится, мерещится?

...Дина сказала ему на вечернем дежурстве:

«Пошли завтра за солнцем».

Ничего не понял, но согласился.

Дина осталась одна у мамы. Но мама у неё не поднималась с постели уже целую неделю.

Ещё до восхода солнца они дворами прошли к домам, выходящим на их великую Неву. На крышу выбрались через пролом, крыша плоская — не скатись, и, главное, виден край земли — горизонт.

Небо наливалось алым, а потом на небо словно кистью малярной брызнули. Всё в золотинках.

— Зачем тебе солнце? — спросил Володька Дину. Уже погромыхивало: обстрел немцы начинали. Это у них как с добрым утром.

— Мама сказала: надо научиться жить, как солнце живёт. Я хочу видеть солнце с самого начала.

— Вот оно — начало.

Искорка лежала на земле. Настоящая искорка. Ахнул снаряд, расстояние безопасное, а всё же пора в укрытие.

Дина не испугалась. Смотрела. Интересного было уже мало, солнце выбралось из-под земли на треть, наполовину и уже будто на ножке стоит.

— Всё! Поднялось, — обрадовался Володька.

— Подождём.

Они ждали, когда солнце поднимется над землёй. Смотреть на солнце было уже нельзя. Обстрел шёл по их квадрату.

Что-то вдруг щёлкнуло, и они увидели изумрудного жука.

— Улетай! — сказала Дина жуку. — Обстрел. Могут убить. Мы уходим.

Жук не двигался.

— Хлопнулся сильно, — сказал Володька и взял жука. — Живой. Смотри, как ножками шевелит.

— Отпусти!

Положил на ладонь чудо изумрудное, подбросил.

— Он улетел! — Дина улыбалась. — Наверное, всё будет хорошо. Посмотреть бы, как садится солнце.

Нырнули под защиту крыши, по лестницам вниз. Перебегая от дома к дому, к себе, где живут люди, где бомбоубежище и тётя Зина.

Скорее всего, с той крыши, на которую упал жук, они заката не увидели бы. Но они вечером пробрались к этому дому, а у дома нет стены и всё черно, потому что сгорело.

Уже в электричке Владимир Фёдорович понял, почему его пугает зелёная ракета. Зелёные ракеты в Ленинграде пускали в небо шпионы, указывали немцам места, где надо бомбить.

После зелёной ракеты в их квартале был налёт бомбардировщиков. И бомба попала в склад, где хранилась мука.

Это случилось зимой.

Вскоре после зелёной ракеты он с Сашей нашёл Дину, и Дина была белее снега.

Зелёная ракета

— Предатель! — сказал Владимир Фёдорович Наталье Ивановне и Дашке. Они встречали его.

— Дашка — предатель? Я предатель? — изумилась верная супруга.

— Ельцин!

— Я такой борщ сварила, прямо-таки огненный. А ты — «Ельцин».

— Дина, да и Сашка и Светка умерли из-за предателей, шпион зелёную ракету пустил, а Ельцин предал СССР — страну нашу, великую Россию! Югославию предал, предал украинцев, таджиков...

— Владимир Фёдорович, опять ты кипишь, жизнь тратишь! — Наталья Ивановна прикрыла своей ладонью ладонь супруга. — Звонил Савельев. Он знает место, где растут рыжики. После обеда заедет за нами.

* * *

У Савельева машина была удобная, сделана в Корее, в Южной. Проехали всего ничего по Киевскому шоссе, свернули направо, дорога асфальтированная, и вдруг — прогал в лесу. Огромные вывороченные пни, вдоль дороги штабеля леса.

— Частица семидесяти трёх гектаров! — ахнул Владимир Фёдорович.

Савельев остановил машину.

— Короед сожрал. Видите белые мешки? Это ловушки. Учёные смотрят, как убывает короед. На пнях — опята. Рыжики дальше.

— За рыжиками! — попросила Наталья Ивановна.

Проехали лес, выбрались на простор. Вдали дома, слева стеной сосны, а возле дороги — несколько свалок. Строительный мусор и ещё что-то. Через километр Савельев съехал с дороги.

— Здесь!

Перед машиной — бор. Наталья Ивановна взяла корзину. Пошла было, но Савельев остановил.

— Нам не в лес, а в посадки.

И верно! Слева от дороги в высокой траве стояли рядами ёлочки.

Идти трудно — борозды. Ёлки растут густо.

Какие тут грибы! И замерла. Крошечный пятчочек между ёлочками — сплошь грибы. Срезала первый, на ножке — молоко. Рыжики! Спина заболела нагибаться, а рыжики — справа, слева, впереди, и вон сколько пропустила — стоят.

Владимир Фёдорович понагибался и от грибов — на дорогу, в большой лес. Земля золотом листьев прикрыта. Пошёл в глубину ельника — ни единого грибочка. Вернулся на окраину. И — ах! — белый! Лет пятнадцать белых не находил.

Савельев и Наталья Ивановна тоже устали рыжики резать. Пришли к машине.

Корзины наполовину.

— Не без грибов! — сказал Савельев. — Доберём доверху опятами.

Сели, поехали. Человек возле кучи отходов руками машет. Остановились, вышли из машины. Человек в голубой куртке, в вязаной шапке, кричал, раскинув в стороны руки.

— СССР из-за колбасы убили. Очереди всем надоели. Да здравствует Россия Гайдара — вот она, его колбаска!

Подошли к отбросам. Точно. Колбаса. Варёная. Докторская.

— В чём дело-то? — спросил Савельев человека, позвавшего на смотрины.

— Вот она! До того залежалась, деньгам нашим недоступная, что пришлось выкинуть тайком.

— А ведь ничего не тронута, — сказала Наталья Ивановна. — Выходит, несъедобная.

— Гайдар Тимурович! — чуть ли не пропел Савельев. — Володя, ты был тимуровцем?

— Не довелось, — усмехнулся Владимир Фёдорович.

— А я была, — сказала Наталья Ивановна.

Дома нажарили опят, рыжики посолили, а Владимиру Фёдоровичу есть расхотелось.

— Натка! Какая же подлость вокруг нас. Какая мерзкая, фальшивая жизнь.

— Ты на деревья смотришь, выгуливая Дашку. Пусть она к дубу тебя подведёт. Тебе мало красавицы манжетки среди трав? Ты же на звёзды смотрел, а Луну, небось, уже трогал.

— Трогал, — сказал Владимир Фёдорович, — завтра приедет Олег, научит телескоп наводить. Верно говоришь: гайдаровская колбаса — анекдот.

Небо и земля

Ему приснилось небо ночи. Он пожалуй что летел, а потом изумился звёздам и, видимо, снова стоял на земле. Небо над ним было огромное, но до горизонта на четыре земных километра — пространство. Окоём, однако, существовал. По окоёму звёзды гроздьями. Никаких тебе Тельцов, Лебедей, Пегасов... Но вот они — три звезды в ряд, как у нашего Ориона. Пожалуй, это и были Орионы, но через всё небо. В звёздной вязи не виданные никогда сочетания. Похоже на письма.

— Наташа! — спохватился Владимир Фёдорович: не для одного тебя, мол, великое чудо. — Наташа!

И обомлел — одинок.

— Наташа! — закричал Владимир Фёдорович. Его крик сорвал с места звезду, потом — другую, и всю гроздь. Крик летел по Вселенной, а он, рассекая времена, летел к Наталье Ивановне.

Проснулся — тепло. Наташино тепло. Вздыхнул, затаивая выдох.

Ничего. Жизнь чередом пошла. К изумлению Натальи Ивановны, Владимир Фёдорович не поминал о телескопе. Ждал Верочку, а сначала — Олега. Верочка с мамой и папой из Турции воротились, но у школьницы занятия английским с учителем, чтоб в классе быть не последней. И учебный год — вот он. Радость первого сентября, а на другой день уже на дом задавали.

— У них каникулы каждый месяц! — ободрила супруга Наталья Ивановна.

И вот оно — неожиданное...

Владимир Фёдорович вышел с Дашкой, а к подъезду подходит Лизонька, идёт как по облакам. Лицо вверх поднято, а по лицу слёзы.

— Лизонька! Что с тобой?

Кинулась к Владимиру Фёдоровичу — и рыдать. Дашка наземь легла, голову на лапы.

Посадил девочку на диванчик деревянный, здесь бабушки подъезда каждый день сидят, коли нет дождя.

Свой платок достал, личико девочке промокнул.

— Кто тебя обидел?

— Наш Коля умер.

— Какой Коля?

— Наш. Он в классе умер. На перемене. Курил.

— От табака? — и теленовости вспомнил: говорили о каком-то зелье. В Сибири взрослые умирали. Студенты умирали.

— Пошли, я провожу тебя. Ах, нет советской власти! Не найдут негодяя...

— Нашли, — сказала Лизонька.

— На уроке умер — и уже нашли?

— Вася папиросу на стол учительницы положил. Он по дороге из школы хотел покурить. Охранник ему продал.

Лизонька уже не плакала.

— Девочки говорят: это всё полиция...

— Это не полиция, а полицаи! — Владимир Фёдорович приказал Дашке лежать, поднял на лифте Лизоньку на третий этаж.

Выгул Дашки получился из ряда вон. Взяла след, видимо, Лизоньки. Привела Владимира Фёдоровича к железной решётке, в которой железная дверь, и дорожка к школе, а потом, нюхая землю, вернула Владимира Фёдоровича к подъезду дома.

Гравитационная «постоянная»

В день похорон школьника приехал Олег, уже после всего тяжёлого. Наталья Ивановна повезла мужчин на дачу, к телескопу.

Олегу о беде посёлка не стали говорить. Посмотрели по очереди на небо, сели за круглый столик. Наталья Ивановна пирожков привезла. Чай заварила замечательный.

— Астрономия — наука надмирная, — сказал Олег. — Мы оперируем фантастически огромными цифрами и размышляем о сути бытия. У нас есть гравиметры — приборы, фиксирующие одну девятимиллионную долю уменьшения силы тяжести. А учёные уже пытаются создать прибор, который сможет измерять гравитационную «постоянную», — Олег достал блокнот и ручку. — Мы ведь о чём думаем? О постоянных величинах Вселенной. Постоянство характерно для энергии и массы. Скорость света и гравитация — величины переменные. Считать, что и как, очень трудно. Вот мы и решили: масса незыблема, но ведь Земля у нас тяжелеет непрерывно. Метеоры и прочие космические тела дают привес.

Поднял глаза на своих слушателей.

— Вы понимаете ход мысли? Смотрите.

Подставляем в формулу закона тяготения Ньютона величину массы и радиуса Земли, получаем... — написал в блокноте длинную формулу. — Теперь определим силу тяготения с учётом гравитационной постоянной. Короче говоря, гравитационная сила равна разности величин, которую мы получим, посчитав массу Земли и величины силы тяготения с учётом гравитации.

Показал блокнот Наталье Ивановне. Удивилась.

— Сколько же это? — и стала называть цифры. — 147228381340,19 килограмм, умноженный на m/c^2 ... Триллионы, кажется.

— Вот видите? А ведь надо ещё суметь уловить изменение скорости света. Сейчас посчитали эту скорость в вакууме. У американцев получилось, — снова сделал запись в блокноте и показал. — «С» — это свет. $C=299792,4574\pm 00011$ км/с.

— Национальная физическая лаборатория Англии даёт другой результат: $C=299792,4590\pm 0008$ километров в секунду.

Владимир Фёдорович поднял чашку чая.

— Да-а-а!

Наталья Ивановна засмеялась.

— Поглядишь на вас: умный, красивый молодой человек. А в голове — только ахнуть.

— Как это ни печально, — Олег не улыбался, — наш брат и другими проблемами занят в космосе. Американцы уже готовы строить на Луне военные базы. В том числе направленные на Россию. А на Марсе ищут цивилизацию, чтобы овладеть технологиями космического братства, а может, и раздрая. Всё это — всерьёз. Всё это уже не фантастические ужасы Брэдбери.

— Выходит, Наталья Ивановна, мы не зазря трудились. Наш плутоний сметёт нечисть сатаны с Луны, с Марса.

— И — мировая катастрофа, всё сгорит. Как хорошо было читать выдумки Артура Кларка, Лема. Особенно весёлого Шекли, Саймака...

Владимир Фёдорович встал из-за стола, приник к окуляру. Смотрел, смотрел. Повернулся к Наталье Ивановне и Олегу.

— Буду на звёздах искать Того, кто спасёт нас от американского прогресса. Смерть Коли — тоже деяние мирового зла, похода на Россию. Афганистан превратили в страну-изготовителя смертоносных грёз. Отрава в табаке тоже,

думаю, создана в американских лабораториях.

Наталья Ивановна перекрестилась.

— Господи! Когда показывают Америку — это же так всё удивительно: я не про небоскрёбы — всё небо исцарапали. О каньоне, об огромных соснах — мамонтовые, кажется? А какие там реки! На обоих берегах океанов — райская земля. И всё мало! И не тем, кто бейсбол смотрит, Рокфеллерам, Ротшильдам, других не знаю по фамилиям.

— Они навсегда, — сказал Олег. — Это они революции устраивают. Они — навсегда.

— Володя, неужели нет управы на безумие власти?

— СССР сварганили и сожрали, — сказал Олег.

— Россия — Ванька-встанька. Будет Россия с Богом, и Бог будет с нами.

— Володя! Володя! Выходит, до второго пришествия надо ждать, чтоб жизнь была разумной.

— Я не пророк, не колдун нынешний. Но плутоний мы сотворили и многое чего. Остаётся Бога найти.

— В небе? — спросил Олег.

— В тебе и во мне, в Наталье Ивановне. В нас.

— А с чем пирожки?

— Ревень.

Наелись — подобрали. Когда сошли на землю с башни, Олег анекдот рассказал.

— Не слышали про капитализм? Два еврея приехали в Африку, а в Европе оба торговали обувью. Один еврей тотчас отправил своей фирме горестное послание: «Разорены! Здесь все ходят босиком». Другой еврей написал радостное: «Ура! Здесь все ходят босиком. Рынок обеспечен».

— А я обеспечен Луной и Вселенной! — сказал Владимир Фёдорович. — Всё, что увижу, — моё, потому как в сердце.

Олег возразил:

— Формула капитализма беспощадно проста: богатеют на пропащих. Я не удивлюсь, если когда-нибудь прочитаю: «До 1991 года моя страна, мой дом и сам я принадлежали Рокфеллеру, а с 1991 года — всё это собственность Ротшильда».

Владимир Фёдорович обомлел:

— А ведь такое могло случиться. И, может быть, Олег, случилось? Уже.

Говорит попугай попугаю

— Звонок, что ли? — не поняла Наталья Ивановна.

— Вроде звякнуло. Дашка поднялась.

Наталья Ивановна открыла дверь.

— Лизонька!

— Здравствуйте, бабушка! — сказала Лизонька.

— Где ваш дедушка?

Владимир Фёдорович показался.

— К нам в школу в три часа придёт писатель.

Я вас приглашаю, — подумала, посмотрела на бабушку. — Вас тоже приглашаю.

— Спасибо! Постараемся быть в три часа в школе номер два. Так? — спросила Наталья Ивановна.

— Так. Я удовлетворена! — девочка повернулась к Наталье Ивановне ранцем, побежала к лестнице.

— Слышал? Лизонька удовлетворена моим согласием за нас обоих.

По дороге в школу им встретились мама с дочкой. Из детского сада шли.

— Ангелина! — сердилась мама. — Ты идёшь по лужам.

— Это конь идёт! — Ангелина показала маме игрушечную лошадку.

Маме возразить было нечего.

— Да! — Владимир Фёдорович головой покачал. — Мы то да сё, а они все умненькие.

Писатель понимал: нынешние дети пустых рассказов не потерпят. Прочитал им сказку про месяц ноябрь. Трогательную. Задумались ребята из второго, а вот мальчишки из пятого — руками друг от друга отбивались.

— Мне всегда казалось, — сказал писатель, — взросление детей происходит скачками. У меня своих трое. Полгода назад был умницей, удивлял знаниями и вроде бы подрос, а поглупел. Никого не слушает, учится кое-как, а потом снова преобразование: сообразительный, умом быстрый, всё ему надо: знать, видеть, вникнуть. Не нарадуешься.

Пятиклассники притихли, и писатель рассказал о коче. Об удивительном русском корабле, рубленном топором, на котором землепроходцы открыли все реки Сибири, все моря Ледовитого океана, все его острова. Были на Чукотке, на Камчатке. Построили маленькие

островки на берегах Охотского моря. И всё это до Петра Великого. До его больших кораблей. Эти большие корабли не могли одолеть льды Ледовитого океана — Святого моря, так его называли русские землепроходцы. Льды сходились, и огромные корабли раскалывались как орехи. А вот коч не боялся плавать между льдами. Лёд сомкнулся, коч сверху стоит, на льдине плавает. Льды расступились, корабельщики подняли парус и вперёд, вперёд, встречь солнцу, в неизведанные просторы.

Писатель прочитал смешные стихи, все посмеялись, попросил задавать вопросы.

— Трудно ли писать книги? — спросила Лизонька.

— Писать книги — большая радость, пожалуй, даже счастье, — сказал писатель. — А вот издавать книги в наше время очень трудно. Прямо-таки беда.

Лизонька снова подняла руку:

— Беду надо пережить.

— Верно. Но как быть, если подлое время длится, длится и конца ему нет?

Писатель достал из кейса несколько книжек. Разложил на столе.

— Книжки изданы в нашей стране, но страны этой уже нет. Мы с вами родились на одной земле, она и вам, и мне — Родина, но страна у вас другая. Много меньше исконной, и жизнь ваша совершенно другая, но, я думаю, я уверен, эти книги были бы вам полезны. И хотя читаете вы мало, но откроете любую, осилите первую страницу и дочитаете книгу до конца.

— Я не дочитаю, — сказал серьёзный, но чересчур раскормленный мальчик.

— Давай познакомимся! — предложил писатель. — Мою фамилию вам назвали, а твоя?

— Федченко.

— Знаешь, чем знаменит Федченко?

Лизонька подняла руку:

— Он съел за один раз десять пирожков.

— Хороший аппетит. А знаешь, чем знаменит знаменитый Федченко, Алексей Павлович?

Мальчик молчал, и все ребята молчали.

— Когда ему было двадцать четыре года, он открыл Заалайский хребет в Средней Азии, а также высочайшую вершину хребта, названную именем Ленина. Высота этой вершины — 7134 метра. Имя Федченко носит самый большой ледник на

Памире. Умер путешественник тоже на леднике. На Монблане в Альпах. Ему было двадцать девять лет. Признаюсь, биографию Алексея Павловича знаю поверхностно. Возможно, он погиб на леднике.

Федченко, пятиклассник, вздохнул:

— Жалко хорошего человека, — подумал и поднял руку: — Можно я открою вашу книгу в любом месте, а вы прочитаете?

— Хорошая мысль! — писатель почесал в затылке, спросил Лизоньку. — Рискнём?

— Рискнём, — согласилась внучка водолаза, человека смелого.

Федченко подержал руку над книгами и выбрал самую крутую. На обложке — хвост кита и мальчик, пускающий стрелы.

Открыл в середине. Писатель прочитал:

«Когда в стойбище вернулись люди племени, Онно спал. Он был сыт и счастлив. Люди обрадовались киту, насытились, стали петь и плясать. Онно проснулся и сказал:

— Это я убил кита.

Все засмеялись и прогнали Онно. Его место было с малышами, а не с охотниками. Онно обиделся и ушёл в тундру. Скоро он вернулся к яранге шамана и сказал:

— Идите и возьмите, я убил двух медведей.

Онно хотели побить за бахвальство, но шаман остановил мужчин:

— Вы всегда успеете проучить мальчишку. Пусть самый быстрый сбегает и посмотрит.

— Каждый из медведей — как гора! — принёс весть посланец.

Охотники изумились и посадили Онно с собой на почётное место».

Писатель закрыл книжку.

Ребята молчали, думали.

Федченко встал, не дожидаясь разрешения.

— А как он убил кита?

— Прочитай в книжке. Скорее всего, она есть в библиотеке вашего посёлка. Издана в СССР, тираж 300 тысяч экземпляров.

Лизонька подняла руку.

— Теперь я открою.

Открыла самую красивую книгу и пальцем — в строку.

— Отсюда читайте.

Писатель прочитал:

«Вдруг бабушка взяла Полю за плечо:

— Тихо.

В трёх шагах, ну не в трёх — в пяти, по тропке расхаживали две птицы. Головки подняты высоко. На головах — короны. Золотые короны. Носы тонкие, длинные, с лопаточкой на конце. Сами птицы тоже золотые, а по спине, по крыльям — узоры. Чёрные полосы, белые, чёрные — белые.

— Удоды! — шепнула бабушка. — Это удоды».

— Ах, мне бы удода увидеть! — помечтала Лизонька.

— И мне! И мне! — говорили второклассники, а старшие молчали, но им тоже хотелось к золотым удодам.

— Книжка красивая, но тираж пять тысяч! — писатель вздохнул.

Учительница подошла к столу.

— Я выбираю самые тонкие! — открыла одну книжечку. — Весь разворот прочитайте!

— Слушаюсь! — сказал писатель:

*Не в леса, не в небеса,
Пошли, дружок, по чудеса.
Вот тебе лукошко,
Хлебца на дорожку.
В сердце — храбрости,
В глазки — радости
И ещё — в кулачок,
А чего — про то молчок.*

— А чего? А чего? — у белоголового мальчика глаза сияли.

— Тайна! — повернулся к однокласснику Федченко.

Учительница открыла другую книжку.

Писатель прочитал скороговорку.

— Говорит попугай попугаю...

— Я тебя попугай попугаю! — закричали пятиклассники.

— Попугаю в ответ попугай.

И тут кричали уже все:

— Попугай!

— Попугай!

— Попугай!

— Спасибо, ребята! — улыбался писатель. — Поделюсь с вами самой большой моей грустью. Вот уже двадцать пять лет я не могу издать свою «Большую сказку», о большом и о чудесном русском лесе, о леснике Никудине Ниоткудовиче, о его внучке Даше... Я зашёл в

детский магазин: посмотрел, что издадут. Лежит красивая книжка для раскраски. В книге — голенькие девочки. Взял том русских сказок, а это почему-то пересказы с очень глупыми выдумками, чтобы было смешно.

Подняла руку Лизонька:

— Мы голосуем за ваши книги!

— Спасибо!

Прощались, писатель подарил Федченко книгу про мальчика Онно.

— Хорошее у него слово, — сказал Наталье Ивановне Владимир Фёдорович. — Детей пичкают бог знает чем...

— Табачком, таблеточками. Наш посёлок — гадюшник.

— Я не знал.

— А я знала, но к кому бежать — к Птенчикову? Доказательств у меня нет. Обзовут старой дурой, тем и кончится моё гражданское негодование.

На двери их дома висело напечатанное объявление: «Всем на субботник. Очистим лес вокруг тропы здоровья».

Славяне и варяги

Сподвижники сошлись под дубом, за памятником Лётчику.

Администрация расщедрилась на мешки для мусора и на перчатки. Владимир Фёдорович подошёл, когда начали расходиться по лесу. Но и с краю — остатки пиршества: шампур, россыпь окурков. Сложил в мешок одноразовые тарелки, ножи, вилки, бумагу, пакеты — спина заболела. Сел на бревно, насаживал шампуром сигареты и наконец понял: здесь слой на слое — экскаватор нужен.

Перед глазами встали леса Осколкова. Три окурка — на весь район.

— Очищу! — не сдавался Владимир Фёдорович, но увидел: защитники леса уже по второму мешку несут. Окурки за мусор не считают. Пошёл по лесу. За поляной, где крапива стеной, — яма, в яме чего-чего только нет. Пришла женщина с девочкой, киргизского рода-племени, принялись выбирать мусор. Владимир Фёдорович набил мешок банками. Тяжеловато получилось, но женщина свой мешок волокла по земле, и он поволок. Мусор стаскивали к дороге, к лесной,

грунтовой, сюда машина подойти может. Мешков двадцать уже стоит. Второй набил быстро. Сел на пенёк, спину маленько успокоить.

Услышал, как лист падает. Вспомнил пронзительно холодную ночь, когда вышли из вагона у станционной будки — самое близкое место к их деревне.

Владимир Фёдорович и теперь не мог сообразить, как это отец сообщил своему другу молодости, чтоб пригнал подводу на станцию. Петровское, кажется. Будочник, он же начальник станции, когда к нему постучались, заворчал было, но отец сказал всего два слова ему:

— Мы — ленинградцы.

Мама не то что стоять, сидеть не могла. Положил её будочник на свою постель. Будочка крохотная, с буржуйкой. Они с отцом на полу сидели. Будочник дремал на лавке.

Маму везли под охапкой сена. И ему сена хватило, а папа и его друг на передке устроились. Он спал и во сне улыбался, слушая, как отец смеётся. Отец смеялся уж очень хорошо. Сам он тоже вот так же смеялся, когда вырос.

Мешок третий по счёту добирал, волочил, и вдруг с берёзы:

— Ка-ар! — как-то не по-вороньи — возможно, благодарила.

Вернулся с субботника — и радость: приехали Наталья с Верочкой.

— У нас каникулы. Показывайте ваши звёзды.

— А где небо взять? — огорчился Владимир Фёдорович — небо затянуло осенней мглой.

Но Верочка не огорчилась. Сидела в большой комнате за своим ноутбуком.

— Ты какой-то ответ ищешь? — спросил внучку Владимир Фёдорович.

— Играю. Я уже на четвёртом уровне. Дедушка, не отвлекай меня.

— Хорошо, — согласился дедушка. — После обеда сядем карту изучать. Нашу галактику.

Обедали радостно: за столом — дочь, внучка. Наташа привезла, разумеется, торт и какое-то редкое вино.

— А помнишь, Наталья Ивановна, — пустился в воспоминания Владимир Фёдорович, — мы приехали в Кишинёв, зашли в каса-мару, так, что ли, это называется, — отведать молдавской кухни. А нас встречают в национальных одеждах юноша и девушка. И юноша спрашивает: «Сколько лит-

ров вина закажете?» Я обомлел, Наталья Ивановна вас носила, дорогая дочка. Говорю: литр. Один! Пару бокалов, впрочем, выпил, а Наталья Ивановна вино на вкус попробовала.

После обеда Владимир Фёдорович пошёл на террасу за картой неба, а когда вернулся в комнаты, женщины с Дашкой в лес собрались.

— Хочу в наших елях чернушку найти, — сказала Наташа, — хоть одну, Верочке показать.

— Дело хорошее, — согласился Владимир Фёдорович. — Пусть чернушки Верочке покажутся.

Разложил карту на диване. Нашёл Пегаса, нашёл Возчика, Персея, Цефея, Звёздную нить Андромеды. А перед глазами встало приснившееся небо. Грозди звёзд в зените и по горизонту. Такие радостные. Не виданные прежде. Но свои...

Наталья Ивановна и Наташа с гулянья вернулись сердитые, без чернушек. Наталья Ивановна негодовала.

— Мы видели гору мешков — ваш труд. Зачем только старались? По всему лесу после воскресной пьянки — пакеты, коробки из-под сигарет, бутылки стеклянные, пластиковые... Это не народ — ублюдки.

— Это не весь народ, — возразил Владимир Фёдорович. — Это варяги. Славяне на своей земле, а варяги как на чужой, хотя кормит их та же самая земля. Перетерпеть варварство надо. Мы будем убирать, а они — гадить. В конце концов опаматуются...

— Не узнаю тебя, папа! — удивилась Наташа.

— Мудрости набираюсь. Смирения. — Подошёл к окну и ахнул. — Всю наволочь унесло. Наташа, или ты на своей, или Наталья Ивановна на нашей — едемте на дачу. Сегодня будет небо.

— Там и поужинаем. У меня соленья и варенье — на даче! — согласилась Наталья Ивановна.

Поехали на машине дочери. Уютная у неё машина. Верочка прихватила с собой ноутбук.

Падающие звёзды обжигают

Владимир Фёдорович выходил из дома через каждые пять минут.

— Ну посиди ты с нами! — улыбалась счастливая Наталья Ивановна. — Ночь не мышка, мимо не прошмыгнёт.

Высидел шестнадцать минут. Вернулся в комнаты просветлённый.

— Третьей звезды дожидался — и к вам. Нам очень повезло. Сфера Луны уже не полосочка, а шириной с саблю. Кратеры на линии тени и света будут видны замечательно.

Верочка даже головы не повернула к объётому радостью дедушке. Личико напряжённое, покрасневшее, пальцы по клавишам щёлкают.

— Верочка, ты меня слышишь? Нас ожидает молодая растущая Луна.

— Дедушка, ты иди, у меня важный момент. Я заканчиваю миссию четвёртого уровня.

Владимир Фёдорович обомлел.

— Верочка, там — Вселенная. От края и до края. Да только краёв у неё пока что не нашли. Сделают телескопы мощнее — и необъятная бесконечность удвоится!

— Дедушка, ты поспеши! — посоветовала Верочка. — Чего-нибудь пропустишь. Меня мама приведёт. Мама хотела посмотреть...

— А ты?! — вырвалось у дедушки.

Верочка задумалась, сдвинула бровки.

— Вообще-то, я тоже.

Владимир Фёдорович треснул дверью, треснул другой, а третью, выходя из сеней, притворил.

Уже возле башни его нагнала Наташа с полубубком, с шапкой.

— Папа! Надень! Нынешние дети — беда.

Владимир Фёдорович сунул голову в шапку, подставил руки — шуба старая, очень родная, сама облекла тело.

— Спасибо, Наташа! Приходи.

— Я только оденусь.

Тени отчётливо рисовали кратеры, хребты...

На лестнице торопливые шаги. Верочка, Наташа...

— Подойди к дедушке! — мягко приказала дочь внучке.

Внучка подошла к телескопу, села на приготовленное для неё высокое креслице. Прильнула к окуляру.

— Верочка! Наш телескоп даёт чрезвычайно ясную картину. Мой кристалл почти волшебный.

— Руки у тебя волшебные! — Наташа отодвинула дочь, прильнула к окуляру. — Папа! Так близко. Мама говорит, Луну связали, как скатерть крючком. Это же действительно узоры!

Это как мамины скатерти... А ты летающие блюдца ещё не видел?

— Осень! Погода была — не до смотрин.

— Надо купить квартиру в Евпатории. Помнишь, в Доме детского технического творчества были и башня, и телескоп. Триста солнечных дней в году!

Не замолкая, Наталья уступила место у телескопа дочери и даже немножко подтолкнула.

— А у тебя не холодно.

— Я строитель, у меня батареи. — Владимир Фёдорович встал рядом с Верочкой. — Ты видишь? Смотри по краю света и тени! Кратеры видишь? Они с ноготок, но по теням, обозначающим эти кратеры, учёные установили, что они очень глубокие... Можно и моря лунные разглядеть...

Верочка оторвалась от телескопа.

— Я всё увидела.

— А моря! Моря! — Наталья положила на плечо дочери властную руку.

Верочка послушно приникла к телескопу, но тотчас озаботилась:

— Мама, а если мне очень захочется в туалет? Я попроситься должна?

— Здесь есть туалет, — сказал Владимир Фёдорович. — Узковат, но вполне.

— Я осмотрю башню, — сказала Верочка.

Вышла из туалета, обошла башню по кругу. Вообще-то, интересно.

Мама и бабушка стояли молча, неподвижно. Верочка забралась в креслице наблюдателя, приникла к окуляру. Минута, другая...

— Я в первый раз всё увидела. И теперь всё то же, — покачала головой, укоряя маму. — Из-за тебя я засижусь на двадцать шестом уровне.

— Это печально, — согласился дедушка, — а сколько всего уровней?

— Я перевалила за половину в «Кроуле» — так называется игра — пятьдесят уровней.

— А что это такое — «Кроуль»?

— Государство. В нашем государстве «Алые альянсы» противостоят коалиции «Короны».

— А что тебе надо сделать срочно?

— У меня уровень «Рюкзак». Я дала моему войну «Омегу-14».

— Омегу?

— Такое лекарство, стимулирует работу мозга, ускоряет приобретение опыта.

— До свидания, внучка! — дедушка поклонился

Верочке. — Прости, что оторвал тебя в столь критический момент от «Кроули», от миссии, альянса и коалиции.

— Ничего, — простила Верочка бабушку, побежала по ступенькам вниз.

— Папа! — Наталья закрыла лицо руками. — Я не смогу смотреть на Луну: стыдно и слёзы искажают увиденное. Приду позже.

Владимир Фёдорович отодвинул от телескопа креслице.

Перевёл телескоп, чтобы остался только краешек Луны. Вот она, бездна. Черно. Может, звёзды есть там, в запределье, но свет близкой Луны мешает увидеть бесконечность. Вдруг подумал: «Луна — часть жизни человеческой. У них с Натальей Ивановной, где бы ни жили, как луна — так счастливые ночи».

— «Кроули»...

Сидел, закрыв глаза. Спина, конечно, побаливает, а так — ничего. Верочка, пожалуй, что житель параллельного мира.

Пришла дочь, смотрела на Луну, на звёзды.

— Как жалко, что мне многовато. Я пошла бы учиться на астронома.

Владимир Фёдорович усмехнулся.

— Искать место для атомных баз на Луне? Искать на Марсе оружие, чтоб опередить американцев? И всё для того, чтоб убить американцев, русских. Такова наука. И XXI столетие тоже.

Наталья обняла отца, поцеловала в глаза, поцеловала ему руки...

— Господи! О чём думают пенсионеры России!

— Наташа! — закричал вдруг Владимир Фёдорович.

Она повернулась и увидела след тьмы после синей, рассыпающейся искры, упавшей звезды.

— Видела?

— Почти.

— Наташа, меня окатило. Я чувствовал на лице жар, какое это было чудо!

Как бомбу отдыхать укладывали

Увезли внучку в Москву. Верочка восходит на двадцать седьмой уровень...

Завтракали оладушками.

— Вкусно, но как-то всё равно. Во мне что не знаю — сломалось.

Наталья Ивановна поспешила растолковать несчастному астроному произошедшее с ним и внучкой.

— Верочка в четвёртый класс ходит. Она ребёнок. Ученица, Володя, ты это пойми — первой ступени.

— Зато уровень двадцать шестой.

— Володя, она девочка! Ей надо двигаться, а тут мудрое сидение, разглядывание...

— Луны! Под Луной сидение! Господи! Нам с Диной такую ночь! Пусть единственную! Со Светкой, с моим Сашкой, с тётей Зиной, — поглядел в глаза супруге. — Натка, дорогая! Всё я понимаю: самообман. Жил мечтой о телескопе, шлифовал ладонями кристалл — четыре десятилетия! А тут всё за месяц: телескоп, Луна. Натка! Я, как Бог, создавал небо — Верочке! Моей надежде... На лопатки, на обе, уложили меня «алые альянсы» и «коалиция короны». Объединились.

— Володя, давай съездим к Людке Басовой. Окна Людкины смотрят на храм на Нерли. По Владимиру погуляем, махнём в Суздаль, в Муром к Петру и Февронии.

Владимир Фёдорович смотрел в пол.

— Можно к Канту. Алексей Алексеевич нам обрадуется. У нас с ним гора Шелудивая.

— Гора Шелудивая, — повторила Наталья Ивановна. — Боевой блок для атомных подлодок.

— Вот именно. Три заряда. Взрывы с интервалом в миллисекунду! А Верниковский сверхзвериным ухом своим уловил: ядерного взрыва не было. Но гора-то подпрыгнула! Вертолёт над эпицентром газов радиоактивных не зарегистрировал. Полный порядок. Славский отчёт утвердил, а через два месяца высказал своё особое мнение министра: «Не сработало. Любой ценой выяснить причину отказа. Заряды этого типа стоят на подводных лодках, на ракетных комплексах».

— Мы с женой Алексея Алексеевича у нас ждали. Два кресла перед телевизором, а телевизор не включен. Весь день, всю ночь.

— Верниковский, он же эксперт. Сам осветил фарой от автомобиля камеру, а бомба висит! Целёхонькая. Наше дело было устроить деревянный круглый помост под бомбой. Помост накрыли матрасами, аккумуляторы отстыковали, бомбу — на матрасы отдыхать. Это Алексей Алексеевич красавицу нашу укладывал в постель.

Между прочим, шахты к камере, где бомба висела, пробивали донбассцы.

— А тебя Верочкина игра огорчает.

— Это не огорчение. Это проигрыш битвы. Государство делает вид, что ничего не произошло! А ведь русские дети, наши с тобой внуки, уже не русские. Свою бомбу на их, американскую, я приготовил, но Верочка-то в плену. Я ей — звёзды, Луну, а она — слепая, глухая. Слепая и глухая к лунному свету, к соснам, она знает по-английски, но уже не понимает Пушкина, Бажов для неё — филькина грамота. Глухая и слепая ко всему русскому.

— Не выдумывай! — рассердилась Наталья Ивановна.

О великом

Небо заволочло. Белёсое. Это надолго.

Владимир Фёдорович гладил Дашку не хуже кристалла. Дашка ласку принимала, но взглядывала на хозяина совсем не по-собачьи, уходила к порогу, лежала — голова на лапах.

Избавляя себя от хандры, от безделья, Владимир Фёдорович взял с заветной полочки тонкую книжку в твёрдой обложке: «М. И. Калинин. К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина. ОГИЗ. Художественное издательство политической литературы. 1939».

Портрет. Замысел подбиравшего фотографию чрезвычайный. Лицо вождя — устремлено, а глаза чуть-чуть прищурены, сосредоточены.

Труд всесоюзного старосты дедушки Калинина без эпитафия был бы принят не так. Народом.

«Можете не сомневаться, товарищи, я готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей. И. Сталин».

Владимир Фёдорович заглянул в конец книги. Завершающая двенадцатая глава — комментарий к портрету: «Взор вождя — советского капитана устремлён далеко вперёд, в предельные глубины будущего, но вместе с тем он всё видит вокруг, бдительно следит за прочностью государственного корабля. Он велико-

лепно умеет замечать большое в самом малом и ростки нового в старом».

Интересно: позировал вождь для снимка или таким запечатлён кинокамерой. Усмотрел из президиума будущего маршала или глаза на враге замерли. Мерзавец маскирует себя восторженным одобрением линии партии, но замышляет переворот. Господи, какое страшное время!

И всё было великое.

Победы. Маршалы. Границы царской империи. Сталин обрёл для СССР, вернул утраченную Россией половину Сахалина, присоединил Пруссию.

В музыке: Прокофьев, Шостакович, Хачатурян, Гилельс, Рихтер, Ойстрах, Коган, Русланова, Лисициан, Пирогов.

Великие художники: Корин, Мухина, Конаев, Эрзя, Дейнека, Пластов.

Великие писатели: Шолохов, Твардовский, Пришвин, Чуковский, Булгаков.

А кино? Эйзенштейн, Пудовкин, Игорь Ильинский.

Сколько талантов найдено, выпестовано по республикам.

Но ведь и Мейерхольд, Павел Васильев, Пильняк, Мандельштам, Сонм. Сам видел, как быстро убывают люди, когда их пригоняют с собаками — туда...

Снова открыл книгу хвалы.

«Отсюда вывод: мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как её подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны».

— Ай да Калинин!

Всё, что творилось во времена Ельцина, было уничтожением экономики великого самостоятельного государства, самостоятельной экономической системы. А потом пошло подстраивание разрушенного, уничтоженного до основания хозяйства страны, чтобы превратиться в подсобное предприятие Америки и Европы.

В конце прочитанного предложения стоял знак сноски. Посмотрел: «Сталин. Политический отчёт ЦК XIV съезду ВКП (б)».

Вот почему помянуто крестьянское хозяйство. 1925 год. Коллективизация впереди. Товарищу Сталину очень скоро стало понятно: государственная промышленность попадает в зависимость от частника-крестьянина. Если даже процветающего, так всё равно маломощного, не способного поддерживать великую промышленную державу.

Глянул на последнюю строку в книге: «Да здравствует и живёт многие годы родной и великий товарищ Сталин!»

Сделалось мерзко, сунул книжицу на полку. Ведь умный человек, личность историческая. Зачем все эти величания: вождь, отец народов? Зачем ему погоны генералиссимуса? Для чего, для кого? Две звёздочки героя. Это ладно — за войну, за восстановление разрушенной страны, за создание промышленности, под стать мировой. Своего рода агитация за СССР? Представление своему народу и народам мира как человека, имеющего право отдавать приказы?

И тыщи памятников! Монумент. На фуражке помещается «Москвич» — за одну ночь смахнули.

— Сталин! И достаточно.

Проклинай, хули, разоблачай.

— Сталин.

Вспомнил огромный портрет гегемона Мадагаскара. Ансамбль островитян выступал в Евпатории, плясали и пели, поднимая руки к портрету. Погоны с наворотом, ордена с блюдца. Идиотизм.

Пошёл на кухню. Наталья Ивановна постелила на кухонный стол скатерть. Перед ней стопка писем и в руках письмо: его почерк.

— Читаю о нас с тобой.

— Прости, что старый! — обнял, расцеловал.

Сидели, слёзы отирали, улыбались.

— Книжицу почитал... Натка, нас с тобой об-лапошили.

— Кто?

— Они.

— Кто?

— Вся эта свора... Наташа, мы жизнь прожили счастливую — для страны работали. Но ведь вся наша жизнь — бесконечный стыд за власть.

— Тебе за Сталина стыдно? — изумилась Наталья Ивановна.

— В уборную побежал — на газетку-то погляди. Не дай бог, на газетке Иосиф Виссарионович. С ближайшим человеком по работе и даже по тюрьме говорить было страшно. Попробуй скажи: в колхозах за палочки работают. Срок. Попробуй скажи: в Ленинграде в блокаду трупы на улицах лежали. Попробуй скажи: семье, потерявшей на фронте отца, живётся несладко: каждый из шестерых детей ходит в школу один раз в неделю — одна обувка на всех... Могли посадить! — головой вскрутнул. — Хрущёв — кукурузу по побережью Ледовитого океана готов был сеять, проблему мяса в стране решил просто, как в сказке: обязал все школы кроликов разводить. Брежнев водили под руку такие же старцы, как он сам. Орденочки получать. Андропов правил величайшей страной, лёжа под капельницей. Черненко едва дышал. Меченый продал страну за миллион нобелевской премии. Ну а пьяная мразь, дирижер оркестра, отходную сыграл, по себе и по России.

— Это было стыдно, — согласилась Наталья Ивановна. — У Сулова руки дрожат, головку чуть ли не на грудь генсеку положил, звёздочку прикальывает, то ли пятаю, то ли шестую...

— Живуча Россия.

— Русские мы... А вообще-то... Помнишь, в Сирии были? Автобус наш тормознули. Сирийские военные и парень в спортивном костюме, чуть ли не в тапочках, волосы русые на две стороны. Одних — туда, других — сюда...

— Боже, такая страна. Что с нею сотворили...

Пещерник

В одну из ночей дорога предстояла неблизкая, Симеон, насельник пещеры близ села Галенисса, в Каппадокии, сошёл по каменным ступеням к подножию скал и отправился к «Трубам Пери». Шёл лесом, где вместо деревьев белые грибы. Каменная ножка на уровне хребта, сверху коричневая шляпка, чаще всего островерхая.

«Трубы Пери» — тоже скала, похожая на кряж исполинского дуба. От древности скалу прорезают трещины. У подножья с двух сторон каменные стражи в шапках, как в шлемах. На вершине

— три гладких «трубы», увенчанные «шлемами». Когда-то на плато песчаника пролилась лава базальтовая.

Под самыми трубами в скале — то ли пещера, то ли трещина... Вот где надо поселиться, сюда не придут просить жениха, избавления от бесплодия. Где брать воду для жизни? Каким образом доставлять на такую высоту пищу? Без монашеской братии не обойтись.

Когда Симеон вернулся к своей пещере, пришлось протискиваться через толпу паломников.

Рассерженная женщина не пустила Симеона к лестнице, ведущей к жилищу святого.

Симеон изумился и смиренно сел на землю. На каменную.

Женщина смотрела на очередь и кипела от гнева.

— Почему мы не движемся? Почему он держит возле себя одного человека?

— Ты пришла молиться, но торопишься, — сказали люди женщине.

— Я оставила детей одних, они у меня совсем ещё малые.

Симеон поднялся с земли, поклонился женщине.

— Очередь не движется, потому что я здесь.

— Кто ты такой, чтоб очередь двинулась! — заричала яростная женщина. Толпа ожидающих, привлечённая криками, придвинулась. Один из паломников вдруг ахнул и опустился на колени.

— Наш Отец! — простила болящая.

Вся толпа распостёрлась ниц, и они стояли теперь друг против друга: женщина, оставившая детей ради беседы с насельником пещеры, и он, насельник.

— Ты изнемогла. Изверилась. У тебя нет сил жить.

Женщина стояла, опустив руки, ей хотелось окаменеть и стоять, стоять...

— То, что принесли мне, положат в твои руки, — сказал Симеон. — Твоя дочь станет женой правителя города, твой сын — начальником войска, у тебя будет большой дом, много слуг...

И тут пещерник увидел ещё одну стоящую женщину. Женщина положила руки на грудь, смотрела на него, и слёзы сыпались с её ресниц как дождинки.

— Мама.

Он всё-таки сказал это слово.

Он всё-таки задержался на мгновение, ноги дрогнули. Искала и нашла. Прошёл совсем рядом, услышал родное тепло, но не остановился. Сердце дрожало, сердце билось — нет! Мимо. Мимо — и на вершину горы, где была его пещера. Поднимаясь, он касался рукой отполированных ногами ступеней, ведущих... к нему.

Толпа отхлынула, стремясь к женщине, которую он благословил, и не заметила другую женщину, так на него похожую.

Песни

Владимир Фёдорович вчитывался в Евангелие. Дашка смотрела на хозяина и поворачивала морду к двери кухни, где коротала день Наталья Ивановна.

— «Душа моя теперь возмутилась, — читал Владимир Фёдорович. — И что мне сказать? Отче! Избавь меня от часа сего! Но на сей час Я и пришёл».

— Ни от единого дня нашей жизни нельзя избавиться! — сказал Дашке Владимир Фёдорович. — Ради этого тяжкого дня мы и родились, чтоб одолеть неодолимое.

Дочитал страницу, поднял глаза на другую:

— «Нынче суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон».

Поднялся, лёгкий, сильный. Чего думать — вот она, твоя жизнь. Прошёл к Наталье Ивановне.

— Обед готов. Мне без тебя неудобно.

— Дело надобно общее, а наше дело — бесконечный отдых. Нынешнее дворянство — пенсионеры. А вот обедать, пожалуй, рановато.

— Володя, мы так давно не пели.

Изумился.

— Господи, а когда — в последний раз, не упомнишь. Наташа, родная!

— Так всё и вскрутилось в сердце. Помнишь? Дверь открыл, и улетишь вместе с дверью, и мы — на медвежьей шкуре, под лампочкой, с книгой нашей...

Пришли в свою светлицу с книгами, сели возле окна, на диван. Владимир Фёдорович снял с полки тёмно-синюю книгу — корешок от одной створки отпал.

Улыбнулись.

В былые времена с «лучшим другом», а таких

было шестеро по всей стране, сиделись бок о бок и, попивая водочку, пели с первой страницы. Иногда хватало сил «Интернационал» спеть. 324-я страница. Всего 381.

— «Ах, как на реке, на реке...» — начал первую песню Владимир Фёдорович и рассмеялся: всё вспомнилось. Народные песни пели как споётся.

— Прочитай, — попросила Наталья Ивановна.

— *Ай, как на реке, на реке,
На речушке Камышинке.
Ай, там жили, проживали
Люди вольные.*

— Про вас. И особенно про тебя. Начинили вы как невольные, а потом были людьми государства — воля, но шаг туда, шаг сюда — смертоносные секреты... Давай попоём родное.

Открыл на Мерзлякове, на 83-й.

— *Среди долины ровныя...*

Пели тихонечко, Наталья Ивановна слёзы глотала, и у него в горле побулькивало.

Допели.

— Сладко, — сказал Владимир Фёдорович.

— Господи! Как же мы любили друг друга! Над твоей головой атомная бомба! У меня за непроницаемой стеной — нечто, о чём знать не надо, а я с этим «нечто» работаю, не ужасаюсь... Что у нас ещё?

Владимир Фёдорович положил открытую книгу перед голубушкой своей.

— *Вечерний звон*, — спелось у него как-то вопрошающе, стеснительно.

— *Вечерний звон!* — радостно подхватила Наталья Ивановна, и оба они ушли в молодое время, когда их любовью всё, что окружало, было надёжно, надолго.

— *Как много дум наводит он...*

И, пожалуйста, звонок грянул.

Владимир Фёдорович взял трубку: звонил Илья, собиратель сил на очередной субботник.

— Завтра? Хорошо. В девять? В девять.

И снова — в книгу: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан. Не входи, родимущка, попусту в изъян». «Соловей мой, соловей, голосистый соловей!», «Гляжу, как безумный, на чёрную шаль»... Закончили «Рябиной».

— Сколько годочков сбросили? — спросила Наталья Ивановна.

— Я себя чувствую как тогда.

– Когда?

– Да на Мангышлаке.

А наутро работал с детьми Харлана, с внуком Колямагина... Ребята Харлана – мужчины, Мангышлак им памятен.

– Сколько мы тогда водозаборов понастроили!

– вспоминал Владимир Фёдорович. – Саускан, Туок-Су, Баскудук, Куколус, Каратау – Земля, как бильярдный стол, пески, каменная пустыня.

Братья Харланы были в те поры детьми, но что такое пылевые бураны – не забыли.

– Первый в СССР атомный реактор на быстрых нейтронах без нами добытой воды был бы невозможен! – погордился Владимир Фёдорович.

Харланы показали на пластиковые мешки с мусором.

– У той работы было завершение. А эта – Сизифов труд.

– Усовестим! – уверенно сказал Илья.

Нежданное

Воскресенье вечером Владимир Фёдорович прошёл с Дашкой по «тропе здоровья». Лес – мусорная свалка. Отдых на природе в эпоху капитализма – самый дешёвый.

Вернулся с прогулки измученный.

– Поехали на дачу.

На даче земля изготовилась встречать зиму. Лес притих, ожидает снежинок в воздухе.

Включил Владимир Фёдорович телевизор, на экране – экстрасенс. Снимает порчу с очередной жертвы суеверия. Скрюченные пальцы рук, поводит-поводил по воздуху, зажёт свечу, поводит-поводил свечой.

– Всё! Помещение от нечистых духов свободно.

Закипело в груди. Чьим умыслом напускается дьяволиада и дурь на доверчивых людей, обабделых от жизни без цели, без воли, без защиты: наукой, верой, разумом. Государством. Ему надобны чурбаны, потребители мерзкой еды, мерзких зрелищ, мерзких книг, поражающей мозги музыки...

Владимир Фёдорович застонал, лёг на диван. А в сенцах – шаги, Наталья Ивановна вернулась из лавки.

Поспешил подняться. И вовремя. Супруга в слезах.

– Опять несчастье. Из школы увезли мальчика на скорой. Накурился.

– Как так? Охранник уже сидит!

– Делягу арестовали, а товар-то разошёлся... Спасибо – вовремя спохватились... Возможно, откачают.

Владимир Фёдорович вдруг снял ружьё, висящее на шкуре медведя. Двухстволочку.

Переломил, дунул в пустые стволы.

– Вот отсюда сумасшествие. Изверившись, человек, а бывает, что и школьник, берет оружие и палит вокруг себя.

Повесил ружьё на место.

– Отдохнули – и в лес уже не войти. Мерзавцы травят насмерть детей и молодёжь во цвете лет. В телевизоре – экстрасенсы, киллеры, обезьяны. «Голос» – это же обезьянничанье под американцев. Что ни программа – идиотизм. Наташа, я обессилел... Я ничего не хочу. Мы живём среди вырожденков. Вся современная жизнь – вырожденки.

– Вырожденки! – согласилась Наталья Ивановна. – Норвежцы и финны детей у русских отнимают... Где он – Путин? Где Россия?

Обедать сели спокойно.

– Надо послушать, какую погоду обещают, – Наталья Ивановна включила телевизор, а на экране – заросшая морда в камуфляже.

– Не переключай! – остановил супругу Владимир Фёдорович. – Ты приглядишься, висячие усы, оселедец, но это он... Не узнаёшь?

– Семиренко? – неуверенно сказала. – На Ангаре работали?

Что говорил человек с майдана – расслышать было трудно. Совсем рядом летели огненные стрелы ракет, летели на головы мирных людей.

– Слава Украине! – прокричал воин, потрясая кулаком.

– А ведь мы были с ним на объекте, после которого немота – залог жизни! – Владимир Фёдорович усмехнулся. – Коли это он, так знает, что у нас имеется...

Показали сожжённый верхний этаж школы.

– Неужто Семиренко? – Владимир Фёдорович открыл банку маринованных огурцов. Взял с пырышками, а огурец – месиво.

Встал и пошёл.

– Володя, куда?

— На столп. Сам ставил. Сам стоять буду.

— Какой столп? Что за новости? Володя! Чего ради?

Повернулся в дверях, спокойный, сильный, настоящий.

— Ни для кого! Ни для чего! Они народ и саму жизнь с панталыку свели. Что это такое — панталык, я не знаю.

Дверь за собой прикрыл осторожно.

Не стала мешать. Пусть успокоится. Не пообедал, однако. И ахнула. Оделся ли?

Силы воли хватило на двадцать минут и ещё минуту стояла в сенях.

Вышла, прошла к башне. Стоит. В полушубке, но слава богу, уже топят.

Столпник! Капитан дальнего плавания. Стемнеет, на звёзды поглядит...

Ушла ужин готовить, а на столе — обед. Нетронутый.

Одинокая

А игры не было. Не покидал Владимир Фёдорович башни. Дверь на запоре не держал, но, когда Наталья Ивановна поднялась звать на ужин, огорошил:

— Трапеза один раз в день.

— Чего ради? Ты, слава богу, не монах! — попробовала Наталья Ивановна голос.

Ответил устало:

— Я столпник... Молитвослов принеси, положишь где стоишь.

Не нашлась что сказать.

Дашка беды не учуяла, но уже ночью пошёл тихий, затаённый скулёж. Наталья Ивановна поехала на ночь глядя домой привезти нужное для жизни. Неизвестно, сколько на даче куковать. Дашка в машину не пошла, стояла под башней, задирая вверх голову. Не лаяла, не выла.

Наталья Ивановна вернулась утром. Дашка под стеной башни.

— К себе бы взял! — в сердцах вырвалось.

Собрала еду: любимые Владимиром Фёдоровичем огурцы с пупырышками — пяток, тарелку помидоров, сварила картошки, у бабушки по дороге купила ведро: своя картошка, рассыпчатая. Положила полбатона колбасного сыра в сумку. Туда же яблок, мандаринчиков и термос с чаем,

ароматным. Спихватилась, втиснула бутылку трёхлитровую — компот. Всё это отнесла. Сходила за кастрюлей борща, бородинского хлеба не забыла. Аложку? А тарелку? Вместо тарелки взяла миску, в миску насыпала крыжовнику, своего.

— Жить будет.

Оставила всё на ступенях. Столпник слышит, но молчит.

Из башни вышла, постояла возле опустевшего цветника: все клубни выбраны, все доголетние прикопаны, соломой укрыты.

Прислонилась к дому спиной, а потом боком стала, голову к бревну. Дуб. Ресторан при дороге Владимир Фёдорович строил для возможного приезда Брежнева. Дуб властям показался грубоватым: Леонид Ильич — правитель царства на треть земли.

Сочувствие и ласка шла от брёвен, положенных руками Владимира Фёдоровича. Господи! Смеяться, плакать? Кому доказывает? Что можно доказать нынешним людям?

Пошла за хлебом. Возле лавки — сквер. Мама с колясками. Друг дружке показывают, какой круп отрастили. Задницы в два обхвата. Все в джинсах, пояса в тело впиваются, складки жира обвисают с боков, у каждой пузо напоказ. В пупках — жемчужины, серьги... Курят все. Все с бутылками, с банками... Дым табачный над детишками облаком. Беседа подруг, дружеская, о макияже, о лифчиках... Прививают заодно крошечкам народную мудрость. Что ни слово — матерное. Говорят о разном, но слова одни и те же — главное, понимают, о чём говорят.

Подняла глаза к башне: стоит. Издали видно. Помолится бы о мамах. Сами человекозвери, стало быть, зверушек вырастят. Дай Господи, чтоб зверушки не стали зверьём.

— Молись, коли столпник! — крикнула, подойдя к башне. Указала в сторону сквера. — В сквере — скверно!

Ушла домой. Села на стул у порога: сняла обувь и засмеялась.

— Муж рядом, а ты одинокая.

Опамятовалась. Налила в корытце воды. Отнесла Дашке. Дашка голову подняла. И снова на лапы.

— Да ну его! — сказала Наталья Ивановна своей собаке. — Пошли домой. Ты была наша. Выходит, наполовину моя. Пошли!

Не шевельнулась.

— Сдурели! Все сдурели!

Вернулась домой, легла, плакала безудержными слезами, испугалась даже — столько слёз в человеке. Заснула. Пробудилась — в окошке звезда. Одинокая. Других рядом не видно.

И вдруг обиделась. Владимир Фёдорович стоит, от лавки его видно. Толстозадые мамыши должны были углядеть — и хоть бы хны.

— Столпник! До стояния твоего никому дела нет. Никто тебя не видит. Год будешь торчать — не заметят.

На столпе

Лунный свет без запаха, но чистоту его щедрой чувствуешь. Месяц на ущербе. Звёзд прибывает. Вот только на звёзды человек редко смотрит. В городах звёзд нет, крестьянин по ночам спал, а теперь крестьяне — редкость. Разбойник под звёздами крался к наживе. Увы! Ночным работникам не до светил. Капитаны кораблей на приборы смотрят, пастухи в ночном живут ушами: не крадутся ли волки? Астрономы родное своё — звёзды — изучают по фотографиям.

Вдруг мысль пришла. Человек, любя звёздное небо, отгораживается от него: пещерой, землянкой, избой, дворцом, чудовищными городами.

Может, для того и стою: людям на звёзды указать.

Странное это дело...

О молитвенном подвиге он даже никогда не думал.

Стоять назло. Кому? Наталье Ивановне, без которой жить не мог. И не может.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня... грешного.

Что-то он слышал об умной молитве. Или как она называется. Наташа книгу привозила. Там написано про сердце.

Сердцевина — у дерева, у моря сердце — глыбина, в яблоке — сердцевина. У человека в сердце — глубочайшая суть его человеческого «я», и она, эта суть — душа.

Иисусова молитва должна войти в сердце человека, водвориться в его духе. Но все эти премудрости, все чувства, все силы замыкаются на люб-

ви к Иисусу Христу. Весь мир, всё Селятино, вся его жизнь вместе с объектами на Новой Земле, в Мангышлаке, Семипалатинске, в Ливии — объять Христовой любовью.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!

Точно. Надо говорить «мя». По-старославянски.

Представил себе Любовь... Но ведь это искренняя правда, он любил свои объекты. А ведь каждая работа, как под мечом над головой. Чего там мечом — под той самой бомбой, какую на матрас укладывали.

И вдруг затосковал.

Ну, намолит он в себе Любовь, а может, она в нём всегда была... Что в мире-то, нынешнем, перевернёшь любовью. Ах, если бы этой лучшей на белом свете силой — Любовью-то — предстать перед Христом на Голгофе.

Неразрешимое.

Спасти Господа от Креста, вступив в схватку с римскими солдатами, а среди них Лонгин, — невозможно, Кресту — быть. Беспомощно плакать с Матерью Его, с другой Марией? Сострадать? Уж больно словечко-то жалостное, но гвозди не в тебя вколачивают... Целовать умершую плоть?

— Стоять! — сказал себе столпник.

Стоял. Без молитвы, без мыслей. И не глазел. Стоял.

Небо медленно затягивала пелена. Звёзд ночью не будет.

Стало всё синее.

Этот синий час он любил с детства... Ещё когда в Переславле-Залесском жили... А в блокаду синего, пожалуй, не было. Огней в городе не зажигали, электрических, бомбы светили. Разрываясь. А были световые бомбы...

Лёг на топчанчик возле батареи. Придвинулся к теплу. Теплом обзавёлся, думая о внучке...

Что надо сделать для русских людей, для разворванной России? А вот что!

Соберу в себе худшее. Что было с народом, в семьях и в своей семье. Всё худшее, ишедшее из него самого. Из близких дорогих людей, товарищей по стройкам...

Засыпал, точно зная, чем будет занят уже утром: собрать в себе всё худшее и похоронить в себе всё худшее.

* * *

Поднялся на рассвете. Занял место.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!

Сколько раз надо воззвать к Сладчайшему Иисусу, чтобы все мерзости властей и те, что разрушают жизнь семьи, и те, что в каждом взрослом человеке, в стариках, в детях тоже ведь имеются, — перестали быть.

Господи! Вымолить хотя бы одно: пусть неповторимая жизнь отвергнет ИТЛ, ГУЛ, Спецстрой, Особое управление. Отвергнет олигархов, всю тайную сволочь, контролирующую мозги человеческие, потоки — денежные, стремления творческие.

Наплывало давнее... Мама рассказывала о чуде. Чудо с ним произошло, ему было девять месяцев, а зубов полный ротик, и главное — говорил!

Приезжали из Стрельни показать дедушке и бабушке внука. Из деревни всем семейством ездили на лошадке на Плещеево озеро. На обратной дороге угодили в грозу. Ливень как стена стеклянная. Смотрят: под дубом — грибники. Женщины, дети, двое мужчин. Дуб огромный, крона для дождя непроницаемая. К себе позвали:

— Мы подвинемся!

Отец лошадь поставил под сосну, земля под сосной сухая. Сами под телегу.

И тут молния — в дуб и вторая — в сосну. И удар, как из тридцати орудий... Дуб устоял, а люди под дубом — замертво. Мама рассказывала, крестясь:

— Маленьких детишек было трое. Все трое отжили. А сосну, под которой мы укрылись, надвое расколело, да вот не повалилась, устояла... Ты у нас ни молний не испугался, ни грома, ручку к небу тянул, а я успела, когда молния сверкнула, Богородицу сердцем позвать.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!

Вспоминать собрался худшее, а вспомнилось чудо.

Повторял и повторял Иисусову молитву, а на уме своё.

Почему он здесь? Кому и что собирается доказать?..

— Не на тебя восстал, Господи! Отрекаюсь от жизни, которую мы все ведём. Храм-то в Селяти-

не вон какой поставили, а жизнь — прежняя, скотская, и особенно в ихнем телевизоре. Скотская, Господи!

Осенил себя крестным знаменем. Зачем скотов оскорблять! Скоты у человека в неволе, на фермах живут мученически. Кормят, доят, забивают. Ни луга, ни леса, ни солнца. Отвратительно.

Ужаснулся. Вместо молитв вон что лезет в голову. Впрочем, это ведь о худшем.

О худшем

Разразились ясные ночи. По-старому ещё Октябрь. Природа живёт по-старому, по вечному календарю.

Морозцы. Лужи под ногой раскалываются, будто орехи. Октябрь, орехи... Время круглое, как буква «о». И небо как «о». И звёзды как «о». И Луна как «о».

Приникал к телескопу. В голове детское, совсем не кошунственное желание: вдруг увидеть летящего Ангела. Ангелы, скорее всего, ростом с человека, не усмотришь во Вселенную. Тогда — Архангела.

Но не хочешь ли сгустка тьмы? Тьмы среди звёзд не видно. Звёзды слоями. Сливаются в потоки. Всё течёт в мире. Как река, как время.

Огорчал себя. С какой стати отверг всё, чтоб остаться с собой наедине. Почему он здесь без Натальи Ивановны? Она — его жизнь. Жизнь, данная Богом, для них едина. Это Наталья Ивановна сможет вымолить у Господа, у Царицы Небесной нужное для женщин, для детей, а стало быть, для всей России.

Ты — здесь, а она обеды тебе готовит.

Дашки не слышно.

Утром Наталья Ивановна пришла забрать посуду. Он собирался спросить о лайке, не посмел, но услышал правду.

— Достоялся. Нет нашей Дашки.

Стыд лицо обжёт. А Наталья Ивановна Евангелие ему положила.

Стоял.

Творил Иисусову молитву.

Нашёл силы в себе, открыл святую книгу. Открыл где открылось.

«И тотчас иссяк у ней источник крови, и она ощутила в теле, что исцелена от болезни.

В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?»

Такое вот устраивалось стечение обстоятельств. Именно теперь Наталья Ивановна принесла Евангелие. Открылась книга именно на притче исцеления женщины, которая страдала двенадцать лет. Он в столпниках, и ему сказано о силе, вышедшей из Христа. Христос чувствовал, когда Он отдаёт Свою Силу для доброго дела. Стало быть, наказывая, тоже отдаёт Силу. Кому? Миру людей? Уходит ли эта Сила, растворяясь в человеке, или она остаётся на Земле ради новых чудесных дел и ради посрамления Зла в людях, самого Зла.

Память нарисовала совершенно неожиданное: четыре синие денежки с лётчиком — пятирублёвки. Коричневую — с шахтёром. Рубль. Большую, красную — с Лениным. Тридцаточка. В воровстве не признался в детстве, и даже взрослым, когда шалость — это давно минувшее, ненаказуемое. Мама денег хватилась, но они с отцом решили — в трамвае карманник вытащил. Деньги спрятал в карете под сиденьем, в Константиновском дворце, в общем-то, в школе. Потом этаж с каретами закрыли. И тю-тю! Война, бомбы, Стрельню немцы заняли. Ни одному священнику греха не открыл. Выходит, не покался.

Итак, худшее. Если взять работу...

Дюкер на Ангаре ставили. Вменили в обязанность построить несколько двухэтажных домов. Всё бегом, бегом! В два кирпича дома в том посёлке. Для Сибири мало. Не настоял изменить проект... На Ленинградской атомной, когда дамбу отводящего канала насыпали. Не настоял использовать свой метод, придуманный на Кане. Валуны с берегов каналов убирала. Валуны огромные. Но начальники себя слушали... Не поборолся. Это грех! Грех строителя. Но ведь и человека.

Утром вышел на своё место, Иисусову молитву повторял без счёта, а потому без мысли, машинально. Опаматовавшись, вкладывал душу в каждое имя Бога. Читал Троицу, молил Духа Святого, твердил «Отче наш».

Вслушивался в тишину.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!

Стоял.

Стоянием себя не казнишь. Да ведь не ради укора он здесь.

Открыл Евангелие: «И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли».

О вине, сотворенном из воды в Кане Галилейской. Первое явленное чудо Христа.

И всё отошло. Дикая, наверное, мысль объехала с головы до пят.

Любовь — Бог.

А совокупление? Грехами, как веригами, отягчена человеческая страсть. Но зачатие свяшенно! Это высший божественный Промысел. Когда пчела или бабочка садятся в цветок за нектаром — это ведь тоже совокупление. Рождение галактик, вселенных тоже ведь начинается с зачатия. Что оно такое — знать человеку не дано. Но весь мир от Солнца и до мельчайших частиц, материи космоса и живой, земной — это же зачатие и рождение.

Наслаждение грешно? Наслаждение. Худшее.

Но он помнил свою первую женщину, дичайшую любовную катастрофу. Извержение вулкана любви. Стену смела, охрану с винтовками. Он помнил изумительную нежность.

И это — худшее?

Обожгло. Вспомнил: к ним пришла соседка, и мама смахнула себе в фартук приготовленную к варке строганину из подмётков.

Не поделилась. Он в этом участвовал — видел. И был рад, что мама успела спрятать от глаз близкого им человека — еду.

Худшее.

Худшее, когда Ельцин со своей бандой в Беловежской пуще убил великое государство, так ему приказали советники — страны-убийцы. И он убил.

А разве не худшее, когда жили озираясь. К ним в переславской деревне пришли женщины. Тут и родня была, и одноклассницы отца. Пили самогонку — мужья женщин у всех на войне. А отец рассказал правду о блокаде... Вернее, много чего рассказал. Все плакали. А потом ночью отец и мать вспоминали слово за словом. Прикидывали, сколько дадут за ту правду и за эту. И целый месяц ждали воронка. Доносчиков не нашлось.

Всё тут худшее: неверие близким людям, ужас — за правду, рассказанную просто. Но-

силь в себе блокаду — это ведь было ох какое испытание.

А перед внутренним взором уже разверзлось самое то. Рыжий урослина, священники, впрягшиеся в огромную бочку с водой. Серая лошадь в берёзовом тенёчке и сразу: рухнувший без памяти Зюзя.

— Господи! — закричал едва слышно, застоял... столпник.

* * *

Октябрь. По-старому. Темнеет, как в ноябре. Можно ложиться спать, если так темно.

Худшее... Кто остановит разорителей жизни? Подонство всеобщее.

Насмешка над устремлениями к высокому, к великому. Чья насмешка? Если зла — это одно, а если урок Божий — то это испытание. Света — светом.

Поднялся с ложа.

— Всё худшее надо исчерпать!

Тишине столпа отвечала тишина примолкшей земли. Открывалась внизу дверь. Брякала посуда. Не понимал! Не понимал, почему Наталья Ивановна смирилась с его неожиданной выходкой. Съел что принесла. Снова стоял, изнемогая от дрёмы.

Приснилось, а может, привиделось, небо в яблоках. Яблоки налитые, румяные, но пожалуй что нарисованные... И вдруг женщина, могучая, красивая, на одной руке — дитя, другую подняла к небу, проникла ладонью под покров небесный, и в руке — замечательное яблоко. Встретились глазами.

— Ты видел... Тебе можно.

Женщина ушла с младенцем, с яблоком с небес. Тогда он тоже проник рукой под покров и ухватил яблоко. Круглое, скорее всего румяное. Хорошо ухватил, надёжно. И проснулся. И снова заснул, до утра...

Малая Вселенная

Столпник стоял, а жена ждала. За границу отправляли — год ждала. В особо секретные командировки, где атомы клубились, — ждала.

И теперь ждала. Со звёзд.

Столп — творение земное. Прилетел воробей

— купол тёплый. Упорхнул — вернулся со стайкой. А назавтра купол венчала шапка из воробьёв. Морозы, снега нет. Трава, как шуба, как загрибок волчий.

Воробьи указали деревенским бабам и зимующим на дачах — лыжные прогулки уж очень хороши — на человека под куполом башни. Узнали в человеке чудака, смотрящего по ночам в трубу. Бывший начальник строительного управления, порядочный был товарищ, уважаемый властями и людьми рабочими.

Надо же! Весь день стоит! Мороз не мороз, а купол по ночам раздвигается, видно трубу, высоко в небо уставилась.

Люди терпели-терпели, но человек стоит, — постучались к Наталье Ивановне. Наталья Ивановна вышла к любопытствующим. Женщина она среди местных известная, цветочница, каких мало.

Объяснила необъяснимое просто:

— Не беспокойтесь! Владимир Фёдорович решил быть столпником.

И дверь за собой затворила.

Изумились люди. Столпник! Можно сказать, свой. Церковный человек растолковал:

— Был такой Симеон Столпник. Первого сентября ему память... Начало новолетия. По старому стилю.

— Набожным Федорыч вроде не был? — стали припоминать соседи. И опять все пошли смотреть: стоит.

Постоит-постоит, крестным знаменем себя поддержит.

— Да-а-а! — сказали понимающие. — Жизнь-то, боже мой, какая!

А на другой день приехал на своей машине Савельев.

Наталья Ивановна его приняла.

— Знакомые ваши беспокоятся: с дачи не вернулись. А где Владимир Фёдорович?

— Стоит.

— Я вам в подарок картину свою привёз. Пруд, когда он был естественным. Владимир Фёдорович на стрекоз ходил смотреть.

Картина была, как и все прочие у Савельева, — с тетрадь.

— Спасибо, — сказала Наталья Ивановна, но без радости.

— А где Владимир Фёдорович стоит? — ничего не понимая, спросил Савельев.

– На столпе.
 – На столпе?!
 За стол не пригласили, хозяина дома нет...
 Вышел на крыльцо, глянул на башню. Стоит.
 Подошёл поближе. Не видно. Вышел за калитку палисадника.
 – Владимир Фёдорович! Я тебе пруд привёз.
 Крутиловский!
 Створки купола разошлись. Купол повернулся.
 – Спасибо! – сказал столпник. – Было время, весну нам объявляли лягушки. Тихонечко трубили. Нежно.
 – А ты чего стоишь? – Савельев человек прямой.
 – Не хочу такой жизни.
 – А кто хочет? Я тоже не хочу!
 Створки задвинулись. Столпник стоял, смотрел куда-то далеко.
 Савельев помахал рукой, уехал. Но уже в тот же день прикатила ещё одна машина, потом под вечер – две. В каждой – по четверо.
 Смотрели, а он стоял.

* * *

Из Наташиной книги Владимир Фёдорович мало что запомнил, но теперь мудрость всплывала: «Человек – малый мир».

Иисусова молитва – живое соединение нашей духовной природы, сидящего в нас внутреннего человека с Иисусом Христом, а Иисус Христос – это и есть вечная жизнь.

Подумал-подумал и сделал открытие. Если человек – Вселенная, человеку по силам человеческим словом повернуть колесо мира. Слово – Бог. А ты ведь в соединении молитвой с Иисусом Христом. Слово человека – самого ничтожного – имеет власть преображения. А преобразать есть что. Эллипс движения Земли явно искривлён Злой волей.

Уже ночью, когда на звёзды смотрел, осенило! Худшее действительно надо собрать в себе. Всё худшее без утруски! И под лучи солнца Испепелить!

... И вот он толкает дверь, а дверь загородил замёрзший насмерть Сашка. И вот он грузовик с открытым бортом и в кузове – мертвецы один к одному, как оловянные солдатики, только в рост человека. Их так просто ставить... А ведь он и тогда понимал: у стоящих не было кожаных рем-

ней, не было голенищ хромовых для сапог красных командиров. Обои съедаются быстро.

Виноват ли он в этой неправде?

Дина в небо смотрела, но даже в телескоп он не видит теперь того, что открылось ей тогда. А разведчик? Падающие без памяти от ужаса немцы? И другие падающие, потому что из их глоток хлещет кровь. У разведчика немцы сожгли в доме мать, жену, детей, и сам он напоследок сжёг четыре танка...

Утром зашумело – проснулся. Нет, не в голове. Воробьи снялись всей стаей, освобождая свет. Сходил в свой тесный туалет. Умылся из тазика: Наталья Ивановна поставила.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!

А мысли потекли, потекли.

Ну, соберёт он в себе худшее... Это же зло! Зло, поместившееся в душе одного человека. Как её одолеть, если эта сила пребывает на Белом свете со времён Творения. Первая жена Адама Лилит ненавистью к мужу взлелеяла в себе зло. Вот он, первый корешок. Господь почему-то не выдернул, не прополос. Зло возможно пересилить, когда оно расплывённое, в каждом по малости.

Не туда понесло тебя, милый человек!

Лучшее – вот что следует соединить в одно. Второе солнце взойдёт на небо, если всё лучшее всех поколений человеческих явить Богу.

Малая Вселенная смертных может быть и очень уж малая добрыми делами, зато добрыми помыслами рождена.

Гимны

Снились сны, которые, просыпаясь, он помнил, как в былое время.

Очутился в Селятине, в Дубраве, у ресторана, а кругом – потоп. Вода могучая, волны катятся, будто их скалкой раскатывают. Спасения не видно. Вода прибывает, и он, изловчившись, встаёт на волну, раскатанную и потому твёрдую. И видит себя на мосту. Мост точь-в-точь как в городке Осколкова. Вода здесь мчится струями. Потоп Всемирный. Волны всплескивают, перекачиваются через мост, но белая дорожка, неасфальтированная, водой не тронута. Можно спастись. На постаменте вместе с бронзовыми мальчиками переждать, пока вода схлынет. Похолодел: как

же без Наталья Ивановны?.. И тут появился мальчик, совсем дитя, годика два с половиной. Видно, что просится. Попробовал штанишки снять, а они уже полны. Наталья Ивановна такие сны любит — к деньгам.

Без штанишек маленький мальчик заплясал, засмеялся, всплёскивая ручками, и потоп схлынул.

Ночь, но столпник стоял.

На башне до самого купола — радость. Такая же простая, как тепло.

Старая мысль пришла: люди не исчезают. У Бога всякая душа преобразается в звезду.

Новорождённый человек — будущее солнце. Ну, наверное, если жизнь прожил честно. Людей на земле всё больше, и Вселенная расширяется. Астрономы регистрируют открывшиеся им миры, малые Вселенные. Пожалуй, без отбора всякая душа становится солнцем, но одно потемнее, другое — карлик. Есть такие звёзды — карлики.

Всё это пришло ему на первом допросе, когда били, битьём запугивали, чтоб сознался. Лампой со стола следователя глаза слепили, целые сутки не давали спать.

Его вина была уж такая явная: бабушку отбил у хулигана-сексота. Потом уже, когда всю науку лагерную прошёл, догадался: его первый следователь на нём тренировался.

Господи! Господи! Всё! Всё, уместившееся в жизни, самое наигорчайшее, постыдное, глупое оборачивается победой. Над чем? Просто победой. Победой всех.

* * *

Стоял. И на него летел снег. Обрушиваясь, низвергаясь. А потом долго, будто задвижку притворили небрежно, падали, кружились и даже поднимались вверх снежинки.

Стоял.

И, когда уже синело, празднично в небе и на белой земле, через поле, к лесу, побежал лыжник в красной шапочке и в красных варежках.

Зима.

Он лёг на минутку чуточку отдохнуть.

Пробудился — ночь. Открыл купол, и звёзды ему показали, что уже полночь. Выходит, наспал звёздное небо. Тотчас сон вспомнил. Снились звёзды, но горели они при луне и при солнце.

Даже поискал глазами солнце. Уж очень сон

достоверный. На самом деле луна уступила небо звёздам.

Смотрел на Вегу. Такой покойный свет. Свет, ожидающий ответа.

Они с Натальей Ивановной любили Вегу.

Вега над Байкалом такая же синяя, и такой же улыбчивый покой с небесного зенита. Бесконечность жизни пульсирует в крови, и ничего другого не остаётся, как слить своё тепло с теплом твоей женщины — и единым сердцем на мгновение во вселенскую тоску человека по звёздам. То мгновение длиною всего лишь в жизнь.

— О звезда, считающая нас по головам, ибо в зените. О Вега! Я ведь открыл твою тайну. Ты так по-детски хочешь быть рядом с нами. Это у тебя от нашей тоски по тебе.

Говорил вслух, не пытаясь хоть как-то запечатлеть сказанное. Начиналась жизнь в ином измерении. В этом измерении слово запечатлется на небе, как на листе бумаги.

Глаза нашли Денеб. Белый Денеб. Оперенье Лебеда такое же летящее, как распахнутые во всю ширину Млечного Пути крылья. Как лебединая шея, устремлённая в пространство. Полёт такой могучий, что даже Орел, сверкая Альтаиром, дорогу уступил на Млечном Пути, подался в сторону.

— О дивный Альтаир! Твоя орлиная гордыня ничуть не посрамлена. Ты наконецник звёздной стрелы, указующей туда, где свет и вечное лето.

Устыдил высокий слог. Словеса. Звёзды вызрели, их свет сиял и отчётливо проявился Змей, вьющийся между двумя Медведицами. Замечательно ясно, невзирая на беспутство рекламы, убивающей небо Москвы:

— Дина, скажи ты! — вырвалось. Тотчас образумил себя: — Спроси у Натки!

Мудрость Натальи Ивановны весёлая. Когда, сидя над Байкалом или глядя в небо Новой Земли, уставали драть головы, показывала в воду. На Байкале вода как зеркало, а вот море, омывающее Новую Землю, редко показывало своё зеркало.

И вдруг понял: по телевизору скучает. Что в Донбассе-то? Киевляне бабушку очередную убили, очередную маму и троих ребятишек. Водопровод выведен из строя? Господи!

— О людях молись!

Помолился.

– Господи Иисусе Христе, помилуй детей и матерей, помилуй старость и всех взрослых, творящих нынешнюю жизнь. Царю Небесный Утешителю. Душе истины.

Истина!

Жизнь моя, жизнь! Неужто не обрела истину, когда зажигалки на голову летели, когда вся немецкая рать искала моей смерти. И потом, потом...

– Я соберу любовь со звёзд. От каждой звезды по искорке.

А на следующий день облака ушли. Увидел людей, стоящих, смотрящих на его башню.

– Вот с кого надо собирать любовь. Нет такого человека, чтоб его обделили душой, а душа – она ведь для любви. Пусть самая малость, но в каждом есть любовь. А если собрать лучшее, то всем, кто обделён, можно дать сполна.

Стоял.

Неведомая сила

Лучшее. Вспомнил, как улыбнулась ему с Лрук Натальи Ивановны крошечная Наталья. Оторвалась от груди, повернула к нему головку и улыбнулась. Такое оно счастье! А когда Сталин умирал, в лагере радио включили. Все затаились. И вот он – Левитан: нет Сталина. Никто не кричал, не швыряли шапки в небо. Лагерные сидельцы и охрана, тоже сидельцы, улыбались друг другу. Эта улыбка была величиной с Советский Союз.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных!

...Плывущие через Волгу лоси, перекрытый его умением Кан, бомба, отдыхающая на матрасах. Белые медвежата с банками сгущёнки...

И вдруг всплыл Савельев. Савельев какого-то начальника встречал, прибежал перехватить денег. Дал ему 25 рублей. Купюра такая была. Савельев начальнику очень даже угодил, но забыл о долге. Владимир Фёдорович отдачи ждать перестал. Невелик убыток. Но самое-то подлое – помнил! Долго помнил, куда минувшая жизнь не исчезла. И теперь – на тебе: денежки, пропавшие в голове, – должок!

Советские 25 рублей – это нынешних тысяч восемь. Билет до Ленинграда на самолёте. При развитии социализме – пять бутылок самой качественной водки, при нормальном социа-

лизме – девять бутылок, килограмм чёрной икры и килограмм красной.

И – огнём по сердцу. Из Ливии прилетел, вошёл в комнату, а Наталья Ивановна пол моет. Так удачно нагнулась, а трусов не терпела, носила только зимой... Как же он накинудся на счастье своё. На бабу родную!

Господи! Господи! Собирает в себе лучшее, а вон что в голову лезет. Но разве не лучшее? Ждал ночи. Нужно собрать свет со звёзд. Солнце теперь зимнее, редкое. Розовые восходы – вот чего нельзя пропускать! А само солнце, когда оно покажется, зимой для сбора света удобное. На белое солнце можно смотреть часов до десяти утра, особенно когда морозная дымка.

Вот только как вмещать в себя Божию Любовь?!

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!

Подумалось: вместилище Любви Господа Бога – это его, Владимира Фёдоровича, жизнь. Неправда! Это их, ставшая единой, жизнь с Натальей Ивановной... А он её как бы оттринул. Слово какое ужасное.

В ту ночь он смотрел на звёзды, приветствуя сердцем всякую светящуюся точку. Чистая пыль Млечного Пути поражала несметностью. И счастьем. Бог дал ему, смотрящему на звёзды, душу и сердце, а он ведь тоже частица: века, русской земли, человечества, бытия, творения – частица, видящая, одобряющая Сотворившего.

Утром стоял радостный. Солнце. Снег сиял. И на снегу запечатлена Любовь Творца. Белая земля. Белого он повидал на своём веку. И не проклял. Его и теперь изумляла нежность выпавшего ночью снега.

Читал молитвы, какие знал. Снизу ему крикнули:

– Спаси! Спаси!

Развернул купол. Женщина в демисезонном советских времён сером пальто, потерявшая цвет шерстяная шаль. На ногах боты вроде бы.

– Меня бил муж, морда пьяная. Подох. Меня бьёт сын, он сам не знает, живой или зомби. Теперь дочь бьёт! Она в восьмом классе. У меня только пенсия. Восемь тысяч...

Почему он сказал ей то, что сказал:

– Ступай домой. В марте ты будешь жить во дворце. Сын твой станет сыном, дочь дочерью. Все, кто тебя обижал, застонут от зависти.

— Что ты городишь, дурак! — горестно сказала женщина и ушла.

— Что я сгородил? — спросил он себя.

А на другой день прибежала молодая мать.

— У меня дочка задыхается. Спаси!

— Тебя завтра вызовут с дочкой в большую больницу! — сказал он.

Никого не хотел больше ни видеть, ни слышать.

А вечером, когда темнело, его стали вызывать лыжники, парни и девицы. Он открыл створки. И по нему пальнули из ракетницы. Слепящий снаряд ударился то ли о невиданную преграду, то ли о купол, завис над компашкой, пыхнул. Вечерний серебряный свет был особенно ясный. Столпник видел: все, кто пришёл посмеяться над ним, осыпаны чёрной гарью.

Многие приходили в те дни к башне, но ничего не просили, слава богу.

А потом пришли мама и спасённая врачами дочка. Мама кланялась, и девочка поклонилась, обеими руками помахала. И совсем уж небывалое: прикатил на собственной крутой машине Птенчиков.

— Вы меня не любите, я это знаю. Но помогите! Пытаюсь делать для посёлка нужные, по-настоящему хорошие дела, но меня не понимают. Помогите не мне, ради народа помогите!

И слышал Владимир Фёдорович, что говорил Птенчикову столпник.

— Ты у школьника выменял марку за плитку бабаевского шоколада... Отдай семье этого мальчика сто тысяч... Тебя Крым ждёт. В Крым тепло. Море. Если не поедешь в Крым, отправят на Печору, в Нарьян-Мар.

* * *

Ничего не понимал! Он не был подвижником, Иисусову молитву твердил, но всё время отвлекался. Лезли в голову мерзости. Он думал о Наталье Ивановне, хорошее, нежное, но вдруг окунулся в картинки совсем уже грешные. Пытался поднять в себе детство, раннее, а на него обрушивался блокадный Ленинград. Отстранял от себя мысли, стоял тупо, упрямо, а над ним воровбы, свет заслоняя.

Вдруг пришло: в советское время жилось ведь и очень даже радостно. Он ходил со школой на демонстрации. Иные ребята сбегали, а ему очень

нравилось: идти вместе с рабочими, вместе с героями войны, идти всей страной, быть страной!

И Пасху он очень любил. Пасха — праздник запретный. Но для верующих в церкви на Пасху служили. А в клубе всегда устраивали антицерковные танцы, бесплатные. Они ходили на эти танцы всем классом, в девятом, в десятом, а после танцев шли в церковь, кричали вместе с бабушками запретное, но очень счастливое:

— Христос воскрес!

Дома и подавно было хорошо. Бабушка пекла кулич, готовила творог, с изображением креста, а на кресте — распятый Иисус Христос. Сначала все домашние целовались друг с другом троекратно — христосовались, потом брали крашеные яйца, ударяли острыми концами: чё не разобьётся — тот счастливый.

Это было удивительно хорошо — верить в Бога, когда верить нельзя, не по-комсомольски. В комсомол он вступил в десятом, сказали: не дадут рекомендацию для поступления в институт.

Такие вот мысли оборвал однажды в нём пришедший. Шапку снял, чёрный как уголь, глазами чёрными, достал на столпе.

— Я зверь. Ты это чувствуешь?

Столпник молчал.

— Должен чувствовать. Я зверь. Как ни молись — ад мне уготовили. Что скажешь?

— Поживи по-человечески сколько тебе осталось.

— Сколько?

— Два года. Сумеешь быть человеком — четыре, пять... От тебя зависит.

Долго стоял, не покрыв головы. И — пошло. Народ стал притекать, что ни день — толпа.

Оказалось, телевидение его снимало, пока он говорил с бабушками.

Замолчал. Стоял, слушая крики, угрозы, проклятья. Молча.

И ему, молчащему, открывали грехи. Чудовищные! А бывало, подлостью делились, въевшейся в жизнь.

Страшно стало за Бога. А вдруг свет потускнеет от всего этого — от малой этой Вселенной?

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Ты пошёл на крест, а мы те же!.. И что я-то могу знать. Тебе открыто всё!

Господи! Какое же это наше Всё?

Весной, когда листики пошли, когда сладость тополей витала в воздухе, подъехала к их дому

иномарка. Господину открыла Наталья Ивановна. Господин прошёл в гостиную, положил на стол письмо в большом конверте. И поставил шкатулку. Женщина, битая мужем, сыном, дочерью, жила теперь в Австралии. Унаследовала дворец и дело деда-казака. В шкатулке — связка денег, не наших, ожерелье с изумрудами, приглашение посетить Австралию.

Младенцы в телеге

Он не забывал собирать в себе свет. Свету прибыло в небе, земля стала землёй, но изумрудной.

Лучшее — дети. Это все понимают. Но перед глазами встала тотчас Верочка, не пожелавшая звёзд и Луну.

Вспомнил островок на озере возле Покрова. Кое-что пришлось и в Покрове строить. Там биологи готовили своё оружие в ответ на американское.

На острове держали малолетних преступниц. Запомнилась удивительно белолицая, ангельской красоты юница. В форточке забиралась, открывала бандитам двери. И другая — лет восьми. Совсем не приметная. Бабушку зарезала.

Яд худшего, что оставалось в нём, выставлял ему одну историю за другой.

О Гагарине вдруг подумал странное. Гагарин погиб под Покровом. Владимир Фёдорович видел срубленные вершины деревьев и глубокую яму от взрыва.

Не за труды ли покровских биологов, творящих смерть, покарал Господь Россию утратой первого космонавта Земли, Юрия Алексеевича?

Саяны пошли перед глазами. Был в гостях у тофаларов. До революции в Российской империи это был многолюдный народ, по крайней мере многотысячный. Выкосили тофаларов занесённая корь и поганая зараза.

В СССР численность хозяев Саянских гор по переписи — четыреста человек. Народ малый, а забота о нём у государства была большая. Все дети заканчивали школу, в институты тофаларов принимали без экзаменов.

Учёные изучали быт, историю, культуру народа. Владимир Фёдорович знал профессора, который жил в селениях тофаларских. Женился на тофаларке, язык изучал. Государство сохраняло

язык народа бережно, живой язык — живой народ. А народов на советской земле, племён, народностей обитало восемь с половиной сотен.

Это — в лучшее.

И дети — в лучшее.

Детство — пребывание ребятишек в вечности Бога. Это потом, в пятом классе, пожалуй, ребята стремительно научаются человеческой жизни.

Стоял.

А по небу летели караваны птиц, трепетали крыльями утиные стаи. Стремительно, чуть падая в воздухе и взлетая, проносились бесчисленные стайки.

Обрадовался мысли. Детство — это как весенний прилёт птиц. А прилёт совершается, когда Бог воскресает. И человек воскресает после зимы. Любовью. И вот она — пора зреющего плода. Плод — у звезды, у птицы, у человека. Плод вечной жизни.

Ахнул! А что, если душа человека сливается в небе с душами всех поколений в одно? Нет! А звёзды тогда как же? Нет! Бог дал душу каждому рождённому или только ещё зачатому...

И всё-таки попросил Наталью Ивановну записать в тетрадь имена всех ушедших к Богу, указывая, что это за человек. Образ за именем должен стоять. Сам взялся записывать, а перед глазами — трёхтонка со стоящими и те, что лежали, припорошенные снегом, и огни фар полуторки из глубин Ладожского озера...

И, ужаснувшись, — те самые... Зюзя по сию пору падает, без памяти.

Стоял.

По весне люди огородами заняты. Не тревожили.

* * *

Ему пришли слова, и он сказал сначала одно: — Ржанец.

Не вспомнил, что это такое, сказал другое слово:

— «Проходь», — и сразу третье: — «растрава».

Растрава — расстройство, проходь — мягкий бег лошади. Тут и вспомнил: ржанец — трава, тимефеевка. Её почему-то ржанцом у них звали. Только где?

Солнце прикасалось к нему ласково, положил руки на камни стены, навалился грудью, задремал.

Приснилось: он в телеге, телегу везёт Сивка, покладистая, полюбившая своего возчика лошадь. Он уже мысленно примеривался, как лучше, разгружая телегу, ухватить мешок. Пшеница – это тебе не картошка. Мешок с зерном ляжет так, как плечо подставишь, но уж очень тяжёлая госпожа пшеница.

Улыбнулся, пробуждаясь от короткого сна. Лошадка-то, Сивка-то, понимает, кого нынче везёт. Груз небывало лёгкий, но Сивка даже рысить не думает – плывёт, ногами над землёй перебирает.

Столпник даже глаза протёр, ожидая увидеть круп своей лошадки. Они везли в поле груз матерям. Пятнадцать младенцев. Грудью чтоб покормили. Мужики с фронта пришли – вот и младенцы. Но рук в колхозе мало: матерей от страды невозможно освободить. Урожай несметный. Бог народ наградил за терпение, за победу. Наконец-то изумился: младенцев доверили! Может, потому, что в блокаде выжил? Возчики старше его были, а он даже не совсем деревенский... Семья, конечно, известная на переславской земле.

– Не младенцы ли, коих матери брали из телеги, кормили, пеленали и снова укладывали, своих родненьких – на соломку, на золотую... Не младенцы ли были его ходатаями перед Богородицей.

Не материнские ли молитвы хранили всю жизнь, а жизнь-то вон какая!

Он целую неделю, два раза в день, возил младенцев на поле и обратно – бабушкам. Хлеб серпами жали. Надёжнее. Без потерь зерна.

Последнее

После сна о младенцах он сошёл со столпа. – Я к тебе, – сказал Наталье Ивановне. – А я на столп, – сказала она ему. – Теперь ты за мной ходи, как я ходила за тобой.

Стояла весь день, а утром села за руль машины. Увезла себя и Владимира Фёдоровича в Переславль-Залесский. На Плещеево озеро. В деревне, на родине столпника, их ждала просторная изба бабушки и дедушки.

Пришли в себя после долгой дороги – и на озеро, к Синему камню. В Переславле-Залесском этот камень чтят особо. Хранитель любви.

Камень не особо велик, наполовину в воде. Постояли.

Озеро – лоно серебряного света. Наталья Ивановна порадовалась:

– Я скучала по воде в Селятине.

А Владимир Фёдорович вдруг удивился:

– Натка! У меня – честное слово! – зуб вырос. Языком чувствую. Зуб мудрости.

Владислав Анатольевич БАХРЕВСКИЙ –

прозаик, поэт, детский писатель, драматург, публицист, критик.

Родился в 1936 г. в Воронеже.

Окончил педагогический институт в Орехово-Зуеве.

Автор более ста книг для взрослых и детей.

Первая его книга – «Мальчик с Веселого» – была издана в 1960 г.

Наиболее известны его исторические романы: «Василий Шуйский», «Смута», «Тишайший», «Никон», «Аввакум», «Страстотерпцы» и др.

Многие произведения писателя адресованы детям:

«Дядюшка Шорох и шуриавы», повести «Агей», «Голубые луга», «Скиф и грек», «Кипрей-Польхань», «Солдат-орешек», «Повелитель пампы» и т.д.

Лауреат премии Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и юношества (1968),

Всероссийской премии «Капитанская дочка» (1997),

премии им. Александра Грина (2005),

литературной премии журнала «Север» (2013) и др.

Член Союза писателей России с 1967 г.

